

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(25.10.2014 г.)**

г. Москва – 2014

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум»: «XXV международная конференция посвященная проблемам общественных наук»: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. – 60с.
ISSN: 6827-1284

Тираж – 300 шт.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ластовец Н. А. ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	5
Ульянов А. Е. К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	7
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Мусин М.З. САКРАЛЬНОЕ КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ.....	11
Спирина М.Ю. ТРАДИЦИОННОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ.....	14
Суриков Ю.Н. ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ В ПРАКТИКУ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).	18
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Автушенко О.М. ХАРАКТЕРИСТИКА БАНКОВСКИХ ИННОВАЦИЙ И РИСКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КЛИЕНТОВ.....	22
Черкасова М.С. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.....	25
Лифанова Т.Е., Голекнова О.В. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....	28
Нетусова Т.М. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ФОТОПОРТРЕТОВ В XX-XXI ВВ.	32

ФИЛОЛОГИЯ

Дворянцева В. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА КАК УСЛОВИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГА ...	36
Грищенко Е.Н. ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С.ДОВЛАТОВА)	38
Холодняк Г.В. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА	41
Хрусталева М. А. РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК КОГНИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА	43
Назаршоев Н.М. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ ПАМИРА	45
Барбашева С.С., Рожкова Т.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТА В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	48
Трубина Е. Н. К ВОПРОСУ О РОЛИ АНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ	51

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Крыжановская А.В. ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ.....	55
Ревко-Линардато П.С. ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТВОРЧЕСТВО ЛЬВА ФИЛОСОФА (МАТЕМАТИКА).....	58

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ластовец Н. А.

аспирантка 1 года обучения,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Осознание принадлежности к определенному государству и любовь к родине зачастую принимает разнообразные формы в сознании политических деятелей, что непосредственно влияет на проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику. Опорными моментами для развития и становления государства являются идентичность элиты, политические взгляды, профессиональный уровень каждого из деятелей и целостная программа преобразований. В этой связи можно констатировать, что идея государственности формируется на основании двух критериев: национального/гражданского самосознания и политической ориентации.

Разработка проблем начала XX века, для исследователей истории Украины стала возможной только с обретением независимости. В историографии УССР о Центральной Раде, Гетьманате П. Скоропадского и Директории УНР старались не упоминать. Все вышеперечисленные государственные образования воспринимались как продукт «буржуазного национализма» [1]. Именно по этому, вопросы, связанные с историей данного периода, несмотря на проработку в течение более 20 лет остаются недостаточно освещенными [2]. С открытием архивных материалов для современного исследователя появляются новые возможности, которые связаны не только и не столько с выявлением малоизвестных фактов истории развития украинского государства, а и анализом таких составляющих как национальна/гражданская идентичность и патриотизм на разных этапах исторического развития.

Эта возможность основывается на определенной источниковой базе. Она состоит из воспоминаний деятелей того времени, таких как А. Марголин [3], В. Винниченко [4], С. Петлюра [5], П. Скоропадский [6], и личной переписки деятелей УНР П. Чижевского [7], О. Шульгина [8], В. Бочковского [9] М. Левицкого [10], имеющейся в архивах. Для исследования такого аспекта как влияние идентичности на внешнюю и внутреннюю политику, незаменимыми являются работы Х. Вецлера [11] и Б. Петерсона [12]. Кроме того для осознания данной проблемы необходимо обращение к политической социологии [13] и социологии культуры [14].

Целесообразна постановка вопроса о положительном влиянии идентичности, где она выступает как объединяющий фактор и отрицательном влиянии идентичности как фактора разрушающего государственные устои. В данной связи нельзя не вспомнить о нескольких моментах, которые их определяют.

Во-первых: состав политической элиты. Его можно разделить на партийную, национальную и становую принадлежность. В отличии от элит

других государств, политическая элита Украины была не только неоднородная, не смотря на «социалистическую» принадлежность абсолютного большинства, но и малоопытна в вопросах управления [15, с. 46]. Это подтверждается образовательным уровнем: историки и филологи, писатели и ученые были национально сознательными, но опыта управления и политической борьбы почти не имели [16, с. 56]. Элита была сформирована с интеллигенции, которая смогла устоять в борьбе с проводимой политикой культурной и национально ассимиляции, проводимой Российской империей, но в некой мере попала под ее влияние, поскольку оно было почти повсеместным.

Во-вторых: уровень самосознания как такового. В этой связи необходимо вспомнить, что украинская интеллигенция, как и интеллигенция Российской империи, являлась в оппозиции по отношению к власти, мотивируемым чувством вины к «страдающему народу» и, прежде всего, руководствовалась идеалами блага для народа [17, с. 109].

В таком случае необходимо задать два вопроса: являлся ли вопрос о «двойной лояльности» краеугольным камнем для становления украинской государственности начала XX века? И «Была ли политическая элита национально и/или гражданственно сознательной?». На оба вопроса можно ответить да. В этом случае могла быть реализована первая модель поведения, но этого не случилось. Для ответа на вопрос «Почему?» целесообразно вспомнить парадокс Олсона: «неорганизованные индивиды, имеющие общий интерес, причем каждый из них осознает этот интерес и понимает, что действия в составе группы позволят добиться большего успеха, не предпринимают, однако коллективных действий» [18, с. 133]. Этим объясняются многие процессы, которые происходили на территории Украины в тот период времени.

В заключении, следует отметить, что влияние идентичности на становление государственности было настолько велико, что во время рассмотрения периода начала XX века большинство историков, того не замечая, считаю его аксиомой, хотя вопрос о предпосылках и механизмах требует тщательной проработки и всестороннего рассмотрения.

Литература

1. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 6: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине (1917-1920): / Коллект. автор. – Киев, 1984.; Кучер О. Розгром збройної внутрішньої боротьби контрреволюції на Україні у 1921 – 1923 рр. – Харків, 1971. – 171 с.

2. Капелюшний В. Здобута і втрачена назалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917-1921рр.) – Київ, 2003.

3. Марголин А. Украина и политика Антанты: записки еврея и гражданина – Берлин, 1921.

4. Винниченко В. Відродження нації (історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]) – Київ, 1990.

5. Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т.3 – Київ, 1999.

6. Скропадський П. Воспоминания (конец 1917 – декабрь 1918 р.) – Киев-Филадельфия, 1995.

7. ЦГАВО Украины. – Ф. 3877. – Оп. 1. – Д. 21.
8. ЦГАВО Украины. – Ф. 2592. – Оп. 1. – Д. 100.
9. ЦГАВО Украины. – Ф. 3519. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ЦГАВО Украины. – Ф. 3910. – Оп. 1. – Д. 11 - 13.
11. Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы //Неприкосновенный запас. – 2005, №2-3(40-41).
12. Петерсон Б. Концептуальные подходы к изучению национальных самообразов // Вестник Одесского университета. – 2004 – Том 9, Вип.9
13. Политическая социология /ред. Тощенко – Москва, 2002. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001.
14. Ирхин Ю. Социология культуры – Москва, 2006. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001. Минюшев Ф. Социология культуры – Москва, 2004.
15. Табачник Д. Українська дипломатія – Київ, 2006.
16. Табачник Д. Історія української дипломатії в особах – Київ, 2004.
17. Минюшев Ф. Социология культуры – Москва, 2004.
18. Кола Д. Политическая социология – Москва, 2001.

Ульянов А. Е.

кандидат исторических наук

Доцент кафедры «История, право и методика правового обучения»

Пензенского государственного университета

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Публикуется при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-31-01241/14

Тот факт, что для Российской империи до 1861 года была характерна слабая активность миграционных процессов (наравне с замедленным ростом народонаселения) является общеизвестным. По вполне понятным причинам крепостное крестьянство не имело возможности свободно передвигаться по территории не только страны, но даже губернии. С проведением крестьянской реформы и отменой крепостного права это положение коренным образом изменилось. Значительные массы сельского населения иногда по собственной инициативе, иногда под давлением внешних обстоятельств покидали свои привычные места жительства и переселялись в новые районы страны с целью поиска заработка. Ситуация такого рода, будучи вполне объективной, оказывалась не очень выгодной, а порой даже опасной, для крупных помещиков, которые в результате подобных миграций лишались необходимых для обслуживания их имений рабочих рук. Не случайно в связи с этим царское правительство, традиционно защищая интересы дворянства, не торопилось принимать законы, которые бы снимали административные ограничения с крестьянских переселений. Более того, косвенные ограничения в свободе передвижения сельского населения предусматривались уже самыми первыми законодательными актами, касающимися отмены крепостного права.

Первое, что в этом плане нужно отметить, – это значительное осложнение процесса увольнения из сельского общества. «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (Статья 130) предусматривало целый ряд условий для выхода из сельского общества. Приведем их [8]:

«1) Чтобы крестьянин, желающий получить увольнение из общества, отказавшись навсегда от участия в мирском наделе, с соблюдением правил, установленных в местных положениях, сдал состоявший в его пользовании участок земли.

2) Чтобы к увольнению не было препятствия по отправлению рекрутской повинности.

3) Чтобы на семействе увольняемого не было никаких казенных, земских, ни мирских недоимок, и чтобы при том подати были уплачены им по 1 Января следующего года.

4) Чтобы на увольняемом не было бесспорных частных взысканий и обязательств, предъявленных волостному управлению.

5) Чтобы увольняемый не состоял под судом и следствием.

6) Чтобы родители увольняемого были согласны на увольнение.

7) Чтобы остающиеся в обществе, в семействе увольняемого крестьянина, малолетные и другие лица, неспособные к работе, были обеспечены в своем содержании.

8) Чтобы на увольняемом крестьянине, если он пользуется наделом помещичьей земли, не было недоимок в повинностях, причитающихся за такое пользование.

9) Чтобы желающий получить увольнение представил приемный приговор от того общества, куда он переходит, кроме случая, указанного в примечании к ст. 147, в котором приговор заменяется свидетельством волостного старшины».

Подобные условия даже при самом беглом их просмотре вполне убеждают нас в том, что редкие представители крестьянства могли ими успешно воспользоваться. Закон, фактически, запрещал сельским обывателям оставлять их место жительства. Основное неудобство заключалось в том, что крестьянин, вынужденный искать заработок на стороне, должен был оставаться юридически приписанным к своему сельскому обществу и нести все наложенные на него повинности. Для этого нормативный акт предписывал иметь временные паспорта и отпускные билеты, причем крестьянин был обязан всякий раз возобновлять их по истечении срока действия. Кроме того, где бы ни находился сельский житель, в какой бы губернии он ни работал (пусть даже на Дальнем Востоке), он по-прежнему оставался в крестьянском сословии, повсеместно числился крестьянином определенного села, волости, уезда и губернии. Именно поэтому городское население в значительной мере состояло из сельских сословий. Так, по подсчетам Я. Е. Водарского в сословном составе городского населения России в 1858 году сельские сословия – крестьяне, казаки и инородцы – составляли 20 % городских жителей (1.131.000 человек), а в 1897 году – уже 43 % (7.145.000 человек) [3, с. 114] (На 1858 год без Сибири, Кавказа и Северного Казахстана, на 1897 год по всей России. Как указывает автор, «несопоставимость не искажает картину» [3, с. 113]). Да и сама городская

жизнь даже в конце XIX века «носила еще... патриархально-земледельческий характер» [9, с. 161]. Архивные данные подтверждают данную тенденцию. Так, сельских жителей в городе Пензе Пензенской губернии в 1854 году, согласно отчету Пензенского статистического комитета, насчитывалось 3.209 человека [7, с. 13], а в 1879 году – 22.977 человек (только крестьян) [4]. Таким образом, приведенные данные позволяют сделать еще один вывод – несмотря на все имевшиеся ограничения и трудности по поводу ухода из деревни, крестьянские переселения были достаточно широко распространены (что свидетельствовало о «развитии России по пути рынка и предпринимательства» [6, с. 67]) и деревня являлась источником дешевых трудовых ресурсов для городской промышленности [5, с. 89].

Нужно отметить, что переселение в города только в незначительной степени поглощало избыток населения в деревне. Согласно данным одного из самых крупных исследователей пореформенного крестьянства А. М. Анфимова, за пореформенные десятилетия из деревни в город ушло только порядка 15 % всех жителей [1, с. 12], остальная же масса прироста осталась в деревне. Особенно актуальным это было в провинциальных губерниях. Поэтому значительно более распространенным здесь оказался другой вид миграции сельского населения – временный крестьянский отход на сторонние заработки.

Процесс массового временного передвижения населения к концу XIX века захватил все районы России. Но имелись и местные различия. Наиболее интенсивным он был в Центрально-земледельческом (1.284,7 тысяч душ) и Московско-промышленном районах (1.248,0 тысяч душ). Главными районами привлечения населения в пределах Европейской России были Южная Украина (почти полтора миллиона душ), Московско-промышленный район (миллион с лишним) и Приозерный с Петербургом (миллион душ) [10, с. 45].

Многочисленные источники содержат также упоминания о переселении крестьянского населения страны на новые места жительства, однако данное явление было распространено в гораздо меньшей степени, нежели временный отход. Оно имело место еще в крепостное время. Количество переселенцев не составляло значительной цифры и в последующие годы.

Приведенные выше сведения, а также работы исследователей, занимающихся проблемами крестьянских переселений, показывают, что количество переселенцев в России во второй половине XIX века было значительным. Однако не смотря на это оно не превалировало над приростом сельского населения, а, напротив, значительно от него отставало. Это приводило к тому, что почти весь прирост оставался в деревне, что означало рост земельного «голода». То есть переселения крестьян не играли достаточной роли в разрежении плотности населения центра страны. Смена места жительства крестьянами по-прежнему играла малозаметную роль в разрядке земельной тесноты во всех внутренних губерниях России.

Ситуация коренным образом стала меняться только в начале XX века, когда был взят курс на форсирование переселенческого движения. Только с 1906 года переселения стали отвлекать значительную долю прироста, то есть больше, чем в это время поглощали города. Подобное положение дел явилось

результатом правительственной политики: до 1881 года переселение законодательно практически не регулировалось, но, как мы видели выше, косвенно всячески тормозилось административными мерами. Государственное законодательное регулирование миграций началось с временных правил 1881 года, изданных по инициативе графа Д. Л. Толстого, и закона о переселении 1889 года, в основу которого были положены указанные правила [10, с. 223].

Согласно этим нормативным актам переселение полностью подчинялось «нормам и опеке» государства; допускалось оно для наиболее нуждающихся в земле крестьян «по избранию местной администрации», которой было предоставлено право по ее «усмотрению» приостанавливать или запрещать переселения. Отпускать разрешалось определенное число односельчан, с тем «чтобы у оставшихся не оказалось земли больше указанной для местности нормы высшего надела». При этом поощрялись переселения всей семьей (а порой даже целым обществом) [2]. Действие указанного правила непременно выполнялось, то есть принятые нормативные акты полностью соответствовали тому курсу, который был взят с 1861 году.

Литература

1. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. – М.: Наука, 1980. – 298 с.
2. Васильченко О. А. Государственная политика перемещения населения на Дальний Восток (1860-1917 гг.) // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 129–133.
3. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). – М.: Просвещение, 1973. – 158 с.
4. Государственный архив Пензенской области. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 5405. – Л. 17 об.
5. Курцев Н. А. Отхожие крестьянские промыслы в Центральном Черноземье (1861–1917 гг.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения седьмой российской научно-практической (Тула, ноябрь, 1999). – М.: ЭРД, 1999. – 262 с.
6. Морозов С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Проблемы демографического развития. – Пенза: ПГАСА, 2001. – 227 с.
7. Отчет Пензенского Статистического Комитета за 1854 год. – Б/м, б/г. – 86 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XII. – № 43888.
9. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. – Т. 2. – СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1902. – 601 с.
10. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.

Мусин М.З.

доцент, кандидат философских наук

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, доцент
кафедры философии*

САКРАЛЬНОЕ КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

Основаниями для структурирования культуры могут служить сферы общественной жизни (и тогда получим экономическую, политическую, культуру семейных отношений, физическую, правовую, художественную, религиозную, научную, моральную культуру); причастность к культуротворчеству (элитарная и массовая культура); особенности стилей жизни, ценностей и мировосприятия конкретных носителей культуры (различные субкультуры) и т. д.

Можно было бы приводить множество вариантов истолкования структуры культуры, однако при этом возрастает опасность рассечения ее живой целостности и затруднения понимания самой сути культуры. Чтобы выявить целостную структуру культуры, необходимо обратиться к происхождению слова «культура» от латинского «*colere*», которое лингвисты возводят к индоевропейскому **kuel-*, имеющему значения «двигаться», «вращаться». От корня **kuel-* происходит древнерусское слово «коло» означавшее «колесо», «круг», «горизонт». Позже слово «коло» приобрело суффикс -ес- и стало звучать как «колесо». Слово «коло» уже давно ушло из языка, но сохранились некоторые образования от него: «колея» (след от колес на дороге), «калач» (прежде звучало как «колач» и значило «круглый хлеб»), «кольцо» (означает «маленький круг, кружочек»). С помощью приставки «о-» от «коло» образовали наречие (затем предлог) «около», означавшее «вокруг» [1, с. 29].

Если принять образ *кругового вращения* за фундаментальную метафору культуры, то совершенно нетрудно представить себе *концентрическую (кольцевую) структуру культуры* с неподвижным центром (ядром) и движущейся вокруг него периферией (поверхностью). Если центр — это внутренняя, неявная, скрытая от погруженных в повседневное существование людей сторона культуры, то поверхность — ее внешняя, очевидная, понятная грань, которая и составляет тот мир, в котором пребывает человеческая жизнь. Культура подобна операционной системе, которая служит платформой и средой для работы всех остальных программ компьютера. Обычный пользователь знаком с операционной системой лишь в рамках «пользовательского интерфейса», а принципы и механизмы ее действия от него скрыты и, как правило, его не интересуют. Так и любой человек, всегда присутствуя внутри определенной культуры, «вращаясь» в ней в потоке времени и обыденности, не замечает внутреннего устройства своего бытия, не задумывается о его центре.

Ядро, ось культуры представляет собой целостность *норм, смыслов, символов и ценностей*, вокруг которых вращаются все ее элементы и институты. «Ядро» культуры выступает как основополагающий принцип,

который и выражается в языке, мифологии, религии, обычаях, традициях, обрядах, искусстве, философии, науке, праве, основных формах экономической, политической и социальной организации, в менталитете и образе жизни людей данной культуры. Благодаря ядру культура сохраняет и передает свою самоидентичность, поэтому оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью.

Ядро культуры выражает сакральное значение понятия культуры как культа, почитания и поклонения [3, с.11-12]. Ядро культуры — это в свернутом виде ее фундаментальные ценности и верования, которые определяются тем или иным пониманием сакрального (священного), отношением к нему. *Сакральное и есть тот центр, вокруг которого формируется ядро культуры.* Но что такое «сакральное»?

Понятие «сакральное» (от латинского *sacrum* — «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое») не означает «божественное» или «религиозное». Божественное сакрально, но особое сакральное измерение может обнаруживаться и у не связанных напрямую с религией предметов и явлений: например, особое переживание природы; впечатление, рожденное произведением искусства; потрясение от встречи со смертью и рождением; предельно напряженные чувства любви и страдания, радости и страха. Сакральность есть необычное состояние, в котором мир и все, что в нем, видится в особом свете: любой объект, любая вещь распознается как образ, символ, как сгусток пронизывающего все и проявляющегося во всем *духовного начала*. Сакральное, как показал Рудольф Отто, проявляется прежде всего как непосредственное ощущение, живая эмоция, которая вливает в индивида своеобразную сильную сверхчеловеческую духовную энергию. Встреча человека с сакральным — особый, таинственный и утрашающий опыт переживания присутствия «совершенно Иного», который вызывает у него неповторимое сочетание чувства ужаса и восторга, благодарности и очарования, осознания собственной ничтожности [4]. Ощущение сакрального двойственно: оно одновременно завораживает и приводит в трепет, притягивает и отталкивает.

Культура предполагает этот внутренний индивидуальный опыт сакрального, воплощает и оформляет этот опыт в виде символических структур и определенного устройства общества, поэтому каждая культура основана на чем-то «святом» и «абсолютном» для нее. Так, если для религиозной культуры сакральное ассоциируется с миром божественным, сверхъестественным, потусторонним, то в рамках культуры секулярной нередко сакрализуются такие понятия и явления, как истина (например, научная), творчество (от произведений искусства до их создателей), события, связанные с личной или общественной историей.

Каким же образом сакрализация (наделение предметов, вещей, явлений, людей сакральным смыслом) структурирует, оформляет культуру?

Сакральное, будучи «совершенно Иным», несопоставимым с привычным строем вещей, раскрывает свое содержание в оппозиции *профанному*. Профанное (от лат. *profanus* — то, что расположено перед храмом) обозначало в

древнем Риме то, что более не является священным, что не обладает отныне ни привилегиями, ни опасными свойствами священного, это то, что «десакрализовано». В культовой практике жертвоприношений этим словом обозначалась та часть посвященной божеству (священной) жертвы, которая после совершения определенных церемоний отделялась и поедалась самими участниками обряда. Позднее понятие «профанное» приобрело расширительный смысл и стало обозначением собственно человеческого удела — отделенности от сакрального, непричастности к нему, непосвященности. Профанное становится синонимом мирскому, светскому, обычному.

Сакральное и профанное — обозначение двух различных сфер бытия. Профанное характеризует повседневную жизнь, наполненную решением сиюминутных дел, удовлетворением насущных потребностей, столкновением частных интересов, самолюбий. Сакральное ориентировано на иное бытие. Профанное раскрывает полноту человеческого существования, которое ограничено в пространстве и времени, а сакральное выражает полноту бытия, которое абсолютно и безмерно. Если сакральное — это мир единства и неизменности, то профанное — это мир множественности, бесконечности изменения и становления.

Оппозиция «сакральное — профанное» как образцовая входит в бесчисленные системы бинарных противоположностей: вечный — временный, чистый — нечистый, истинный — ложный, добрый — злой и т. д., являясь своеобразной матрицей культуры.

Сакральное противостоит профанному, так как указывает на надличное, надындивидуальное бытие, на существование целого и выступает в связи с этим символом целостности. Стремление к священному — выражение потребности большего, не ограниченного обыденностью существования. Человек создает культуру, поскольку испытывает необходимость в сакрализации своей жизни. В этом *аксиологический аспект сакрального*, которое есть выражение предельной и абсолютной ценности, идеальный ориентир человеческого бытия. Сакральное позволяет преодолеть ценностный хаос, оно задает вертикаль ценностных ориентаций. Как писал Г. Гегель, «слова вечное, святое, абсолютное, бесконечное поднимают человека, что-то при этом чувствующего, в высоту, согревают его, наполняют его жаром. Это силы, им управляющие, а знак их власти над ним — то, что он, слыша их, чувствует себя» [2, с. 541]. Сакральное тем самым является осью, вокруг которой образуется система ценностных ориентиров культуры. Будучи высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом и занимая в ценностной иерархии культуры высшую ступень, сакральное становится *святыней*.

Сакральное как абсолютность, беспредельность отделяется и защищается от профанного *табуированием*. Табу — термин, заимствованный из религиозно-обрядовых установлений Полинезии и ныне повсеместно принятый для обозначения любого строгого запрета, нарушение которого обычно рассматривается как угроза человеку и обществу. Запрещение совершения какого-либо действия изначально основывалось на вере в то, что подобное действие является либо священным, либо кощунственным, оскверняющим

святыни и несущим проклятие, угрозу сверхъестественного наказания. Табуирование (система запрещений) через ритуальные действия, религиозно-мифологические воззрения, идеологию, мировоззрение входит в сферу обыденного, повседневного существования, как индивидуального, так и социального, подвергая его жесткому контролю и регламентации. Ориентированное на табу поведение выражает и подкрепляет чувства и ценности, важные для постоянного воспроизводства культуры. Человек окутан целой сетью кажущихся ему подчас абсурдными запретов, о происхождении которых он даже не догадывается. Они касаются использования языка, соблюдения правил поведения и гигиены, половых отношений, одежды, пищи, растений, животных, болезни, смерти и т. д. Так, ненормативная лексика первоначально возникла на лексемах, связанных с сакральными табу; скверными называли поступки, оскверняющие святыни; утреннее и вечернее умывание является отголоском древних обрядов очищения от скверны; брезгливость и отвращение к мясу некоторых животных (свинина, говядина и др.) коренится в архаичных пищевых табу.

Итак, сакральное — это безусловно значимое, в котором можно выделить два полюса: позитивный — *утверждение* ценности, безусловного положительного значения чего-то («святыня»), и негативный — *отрицание* ценности чего-то, признание за ним негативного значения («скверна»). Между положительным и отрицательным полюсом сакрального возникает напряженное *смысловое поле культуры*, включающее в себя ее смыслы, значения, ценности и нормы, которые задают границы, порядок профанному, мирскому, то есть обыденному существованию человека.

Литература

1. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX - начала XX веков. М., 2000.
2. Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1970–1971.
3. Мусин М.З. Культурология. Ярославль, 2014.
4. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

Спирина М.Ю.

*кандидат исторических наук
Межрегиональный институт экономики и права
при МПА ЕврАзЭС, проректор по научной работе*

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Во все времена человек жил и трудился под девизом «Учиться, учиться и еще раз учиться». В результате такого самообучения первобытных людей сформировалась уникальная культура (в широком смысле этого слова) — источник всех тех материальных и духовных богатств, которыми на сегодня владеет человечество. Важнейшую, самоценную, как раньше говорили и писали, ее часть составляет традиционное (народное) искусство. На всем

протяжении своего существования оно сохраняло многоплановость функций. В нем наличествовали и эволюционировали компоненты, из коих впоследствии развились различные отрасли человеческой деятельности: техника, медицина, предпринимательство, педагогика, искусство, дизайн, др. В народном искусстве перекрещивались бытовые и художественные потребности, труд, игра и обряд, коллективные представления и индивидуальное творчество, будни и праздники, различные формы художественного постижения мира. Традиционное искусство обладает уникальной особенностью — синкретизмом. Оно играет роль интегратора общества. Такая его особенность исторически обусловлена и весьма актуальна. В современном мире потребность в целостности является перманентной и насущной. Традиционное искусство является важнейшим источником многих способов противостояния глобализационным вызовам, сохранения человека как биосоциальной целостности.

Произведения народного художественного творчества рождаются на основе слитного материально-духовного производства, содержат глубокий идейный и эстетический смысл. Если взглянуть на историю человечества как социоприродную эволюцию, то основанием человеческого бытия явится сотворчество человечества и природы в целом. Современное социокультурное пространство пробует сохранить в себе Природу как сущностную часть человеческой культуры. И главную роль в этом должен сыграть сам человек. В традиционной культуре сформировался народный идеал совершенного человека. Именно такие люди и создавали народное искусство, вот почему профессиональное художественное образование в области традиционного прикладного искусства начинает сегодня приобретать особую значимость, а само это искусство нуждается в усиленном изучении с целью его сохранения, развития и применения в современной образовательной и иной деятельности.

Образование в целом представляет собой главный механизм воспроизводства общественного интеллекта. В последней трети XX века образование как форма управления и производства проникает во все сферы жизни человека. Оно становится главной функцией любых организационных систем в обществе. Происходит изменение взгляда и отношения к образованию. Постепенно его начинают рассматривать как сложный и многогранный социокультурный феномен, обладающий все более возрастающим воздействием на различные стороны жизни общества.

Каким же видится высшее профессиональное образование России сегодня и в будущем? Его следует признавать не только сферой знаний и умений, развития творческих способностей, но и средством формирования высоких нравственных принципов. Некорректно рассматривать образование как сферу услуг. Среди приоритетных направлений образовательной деятельности современных учебных заведений необходимо выделить: сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью; формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и научного мировоззрения, развитие культуры межнациональных

отношений, систематическое обновление всех аспектов образования, отражающих изменения в сфере искусства, науки, техники, культуры в целом.

Все это достигается образованием, в содержание которого на различных его ступенях необходимо включить традиционное прикладное искусство (традиционную художественную культуру), которое имманентно носит интегративный характер. Важнейшей его составляющей выступает компетентность. Она также имеет интегративную природу, потому что включает ряд однородных или близко родственных знаний и умений, релевантных относительно широкой сферы культуры и деятельности.

Действительно, многое зависит от того, что составит наполнение человеческой личности, какова будет ее структура и что будет нанизано на веточки Древа человеческой личности. Будет ли это Мировое Древо, Древо жизни или деревце, на котором растут башмачки? Целью современного образования должно стать сохранение Человека на Земле и плодов его материальной и духовной деятельности, созданных на основе национальных принципов этики и эстетики, общечеловеческих понятий Добра и Красоты. Сохранение, распространение и развитие национальной культуры — приоритетное направление в системе национального образования любой евразийской страны в условиях отхода от гуманистических традиций и потери нравственных и духовных ценностей и идеалов, накопленных государствами и цивилизациями в многотысячелетней истории: добродетели, альтруизма, помощи, любви, честности, справедливости, ответственности, ограничения, достоинства и др.

Народное искусство обладает общечеловеческими, национальными и локальными (местными) проявлениями. Их истоки связаны с процессами материальной и духовной культуры, протекавшими в весьма отдаленный период. Генезис художественных форм и основополагающих художественных принципов традиционного прикладного искусства, их сложение происходили непосредственно в трудовой деятельности, в ходе создания бытовой вещи, что и обусловило синкретичный характер народного искусства.

Наличие неразрывных связей художественного творчества со всеми иными аспектами народной жизни явилось той питательной средой, которая позволила в народном искусстве разных стран и эпох вновь и вновь воспроизводить с необходимой степенью жизненности древнейшие, общие для всего человечества художественные формы и принципы. Обращает на себя внимание тот факт, что сам творческо-трудовой процесс, в результате которого мастера придают природным материалам искомую форму, оказывается близким для народного искусства различных стран и во времени меняется весьма несущественно. П.Р. Гамзатова подчеркивает: «Именно в архаическом и народном прикладном искусстве, основанном на мифопоэтической системе представлений, предмет оказывается носителем значительной, внутренне ему присущей мироустроительной функции, т.е. актуализируется некая “созидательная”, “конструктивная” функция. Производство прикладного искусства в этом контексте представляется не просто чем-то утилитарным или, напротив, удовлетворяющим чисто эстетические потребности, но активно

входящей в мир формой, выстраивающей, образующей, организующей мир, пространство и человека в соответствии с некоторыми фундаментальными представлениями о миропорядке» [1, с. 36-37].

Если в профессиональном искусстве художник может выражать или, наоборот, игнорировать национальные особенности духовной культуры общности, к которой он принадлежит, то в народном искусстве, характеризующемся значительно большей самопроизвольностью и вместе с тем обязательной принадлежностью личности к своей этнической и национальной группе, такая избирательность исключается. В результате, этническое и национальное проявляется в народном искусстве органично, возникая как следствие определенных особенностей духовной структуры данного этноса и сохраняясь вместе с сохранением этих особенностей. Народное искусство на протяжении многих веков имело в качестве одной из основных коммуникативную функцию, служило средством передачи общественно важной информации и тем самым активно способствовало развитию духовной жизни вообще.

Э.С. Маркарян в свое время отмечал: «Культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных организмов стабильности. Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима» [3, с. 87].

Представляется необходимым напомнить слова Л.Н. Гумилева, утверждавшего бессмертный смысл традиции в народном искусстве: «Истлевают полотна и пергаменты, гниет дерево, окисляются металлы, крошится камень... Но формы, воспроизводимые из поколения в поколение, при наличии живой традиции, противостоят Времени и заполняют Пространство, превращая хаос в космос» [2, с. 40]. Именно так и образование, в содержание которого введено тем или иным образом традиционное прикладное искусство, формирует креативную составляющую человека, противостоящего антропологическому кризису, знающего и сохраняющего национальные и общечеловеческие традиции, одновременно транслирующего их в социокультурное пространство будущего. Эта особость и есть Космос, противостоящий хаосу.

Литература

1. Гамзатова П.Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 128, [1] с.
2. Гумилев Л.Н. Искусство и этнос // Декоративное искусство СССР, 1972, № 1.
3. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография, 1981, № 2.

Суриков Ю.Н.
кандидат педагогических наук
ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В.Ломоносова»,
доцент кафедры педагогики ИПиП,
ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»,
руководитель службы развития

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ В ПРАКТИКУ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).

ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» – один из старейших музеев России и обладатель крупнейшего комплексного музейного собрания Архангельского Севера, составляющего половину музейного фонда всей Архангельской области. Последние несколько лет стали для музея периодом концептуальных осмыслений собственной роли и места на культурной карте региона. Музей пришел к осознанию необходимости коренных изменений и модернизации своей деятельности в контексте новых социальных и экономических реалий, особенностями информационного общества, культурными и техническим критериям XXI века, что нашло свое отражение в разработанной музеем **Стратегии развития**.

В *Стратегии развития Архангельского краеведческого музея* достаточно четко обозначена миссия музея: сохранение исторической памяти Архангельской области и мобилизация ресурсного потенциала для решения стратегических задач развития Архангельского региона и его продвижение через развитие музея как ведущего высокотехнологичного имиджевого музейного центра региона.

В реализации заявленной миссии Архангельского краеведческого музея, достижении поставленных в Стратегии развития музея целей и задач, особая роль принадлежит коллективу музейных сотрудников: уровню профессионализма, сплоченности и творческого подхода к профессиональной деятельности всех групп работников – и административно-управленческого, и основного и вспомогательного персонала. Первоочередную роль в повышении качества индивидуальной профессиональной деятельности и мотивации призван сыграть *эффективный контракт*.

Особый характер музейной деятельности формирует серьезные проблемы при внедрении механизма эффективного контракта в реальную практику. Фактически, проблемные риски при внедрении модели/механизма/системы эффективного контракта в реальную практику могут быть минимизированы путем выбора одной из двух версий эффективного контракта, основывающихся на различных подходах к оцениванию качества/эффективности работы/деятельности отдельного сотрудника музея.

Первая версия эффективного контракта предполагает использование для оценивания и стимулирования профессиональной деятельности

сотрудников музея **системы показателей эффективности**, основанной на **показателях, заложенных в государственном задании**. При этой системе:

1. Музей дает четкий и достаточно унифицированный и минимизированный *набор стимулов для работников* (показателей эффективности), которые даны музею самим учредителем – поэтому являются объективными – и зафиксированы в нормативном внешнем документе: **государственном задании** на текущий календарный период.

2. Результаты работы каждого отдельного сотрудника музея не только выделяются из коллективных результатов деятельности структурного подразделения и музея в целом, но и носят ярко выраженный и личностно-значимый характер, который может быть выражен в следующей формулировке: «Успех моей работы – успех всего музея! Успех музея – залог моего достойного финансового вознаграждения!».

Основой **второй версии эффективного контракта** могут стать индивидуальные *должностные обязанности сотрудников* и их *индивидуальные планы работы* (на год, квартал, месяц), исходя из которых и конкретизируются *показатели эффективности* (как критерии оценивания качества деятельности каждого сотрудника музея в индивидуальном порядке).

В Архангельском краеведческом музее избран интегративный механизм внедрения в практику эффективного контракта. Данный механизм предусматривает слияние двух возможных версий эффективного контракта, обусловленных ранее. Главной целью внедрения в ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» эффективных контрактов выступает необходимость реализации в реальной практике наиболее оптимальной модели материального стимулирования работников при их ориентации на достижение стратегических целей Музея.

Основанием для расчета *стимулирующей надбавки* выступает модуль сбора данных о выполнении показателей эффективности деятельности каждого конкретного сотрудника Музея: в конце отчетного периода (квартала) на основе собранных данных каждому сотруднику устанавливается количество набранных **базовых баллов** и **баллов качества**, т.е. общий итоговый размер *стимулирующей надбавки* (СНс) рассчитывается по следующей формуле:

$СНс = ББс + БКс$, где:

ББр – базовый балл, *БКр* – балл качества

Таким образом, в практике ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» при внедрении эффективного контракта интегрируются и показатели государственного задания, и индивидуальные профессиональные достижения (результаты), и базовые стратегические направления развития музея.

Каждому конкретному показателю эффективности (и в первой и во второй группе) присвоен вес, выраженный в конкретных баллах: для показателей эффективности, включенных в первую группу – **базовый балл**, для показателей эффективности, включенных во вторую группу – **балл качества**. Для некоторых показателей введено ограничение по количеству баллов, которые работник может набрать в отчетный период. Отчетным периодом для начисления баллов является квартал.

Показатели эффективности деятельности сотрудников в соответствии с их должностными обязанностями (которые входят в первую группу и определяют базовый балл) определяются руководителем структурного подразделения. Для удобства счета и соблюдения объективности оценивания работников разных структурных подразделений введена 100 балльная шкала, в соответствии с которой и определяется «стоимость» конкретного показателя эффективности данной группы в базовых баллах. При этом, основой для определения числового выражения базового балла (от 1 до 100) являются утвержденные нормативы (в том числе – по времени, которое регламентировано для выполнения того или иного вида работ).

Перечень показателей эффективности деятельности сотрудников Музея в соответствии с *направлениями работы Музея* определяют **балл качества**; данный перечень включает в себя показатели, распределенные по укрупненным группам/стратегическим направлениям:

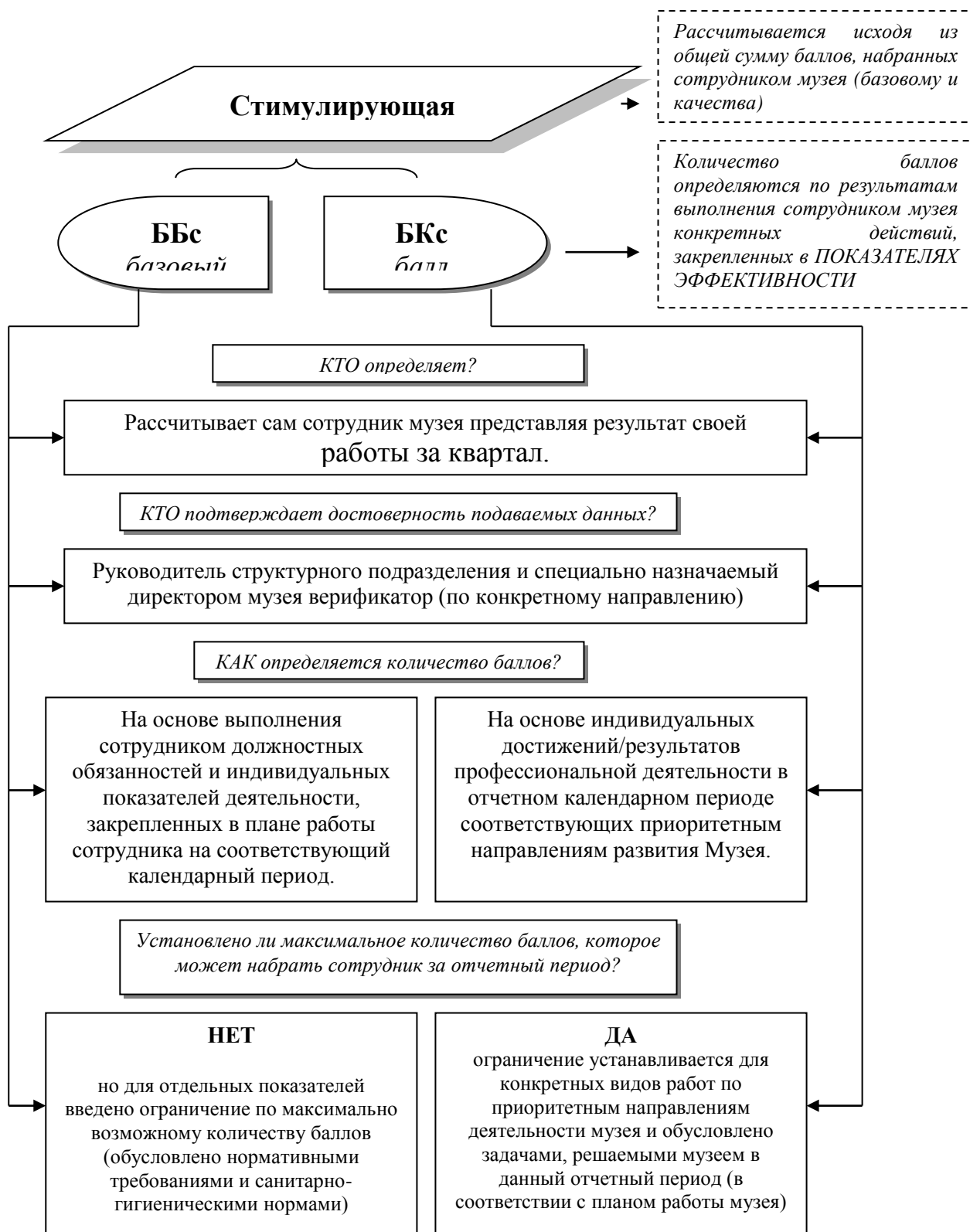
- Формирование и учёт музейных коллекций/фондов.
- Хранение, изучение, обеспечение сохранности и безопасности предметов музейных коллекций/фондов.
- Организация и проведение фестивалей, выставок, смотров, конкурсов, конференций и иных программных мероприятий силами учреждения.
- Научно-методическая работа в установленной сфере деятельности, экскурсии.
- Административно-управленческая деятельность.
- Инновации в музейной деятельности.
- Реализация политики качества в музее.
- Продвижение ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей».

Отметим, что разделение показателей эффективности на две группы (в условиях реальной жизнедеятельности музея) дает возможность самому сотруднику музея более творчески и осознанно организовать планирование своей профессиональной деятельности.

Так, каждый сотрудник музея, зная «балльную стоимость» того или иного вида деятельности, вправе определять пути и способы «накопления баллов»; администрация же музея – устанавливая «балльную стоимость» конкретным показателям эффективности (в первую очередь это относится к показателям эффективности второй группы), – получает в свои руки мощный инструмент формирования и развития мотивации сотрудников к решению приоритетных целей и задач, стоящих перед всем музеем на данный момент.

Схема 1.

**Реализация эффективного контракта на примере
ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»**

ХАРАКТЕРИСТИКА БАНКОВСКИХ ИННОВАЦИЙ И РИСКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КЛИЕНТОВ

В период становления и развития российской банковской системы некоторые операции и услуги были уникальными для банков, так как все внимание было уделено расчетно-кассовому обслуживанию клиентов, кредитным и депозитным операциям. Вместе с привычными банковскими операциями и сделками получали распространение модифицированные их варианты, нетрадиционные формы и новые виды банковских продуктов. В практике коммерческих банков появились операции лизинга, факторинга, доверительного управления имуществом клиентов и др. Расширение операций с ценными бумагами на фондовом рынке способствовало появлению и внедрению новых фондовых инструментов, таких как фьючерсы, опционы, депозитарные расписки и др.

Некоторое время ранее названные услуги и другие события носили действительно инновационный характер, так как впервые были использованы в работе российских коммерческих банков. И только в связи с расширением их применения данные банковские операции стали носить регулярный характер, превратившись в стандартные банковские операции. Как только банковский продукт становится популярным, используется массово во всех банках и доступен для большого числа клиентов, объективно он перестает быть инновационным и становится стандартным. Фактор времени в сфере экономической деятельности является важным стимулом развития рынка и главным преимуществом в конкурентной борьбе. Банк, сумевший раньше других презентовать свою инновацию, получит свою долю рынка, быстро создаст свой деловой имидж, с которым сопернику трудно будет бороться. Банковская операция, в отличие от банковской инновации, функционирует значительно дольше. Массовое использование инновационного продукта превращает его в стандарт. Банковская инновация действует только в рамках времени, которые установлены начальной и конечной точками ее жизненного цикла. Банковской инновацией не может быть банковская услуга или продукт, которые новы только для конкретного банка, хотя уже давно используются конкурентами. Также инновацией нельзя назвать незначительное изменение привычного банковского продукта, если это изменение не меняет его сути и содержания.

Сейчас инновационные банковские продукты – это операции и продукты, реализуемые с применением коммуникационных и Интернет-технологий. Например, осуществление платежей и расчетов по поручению клиентов - это традиционные банковские операции. Но эта же операция, выполненная с использованием системы дистанционного банковского обслуживания

«Интернет-Банк» или «Банк-клиент», становится инновационным банковским продуктом или услугой.

Резюмируя вышесказанное, можно считать банковский продукт инновационным, если ему присущи следующие характеристики:

– продукт, специально созданный для управления специфическими денежными потоками и внедренный в структуру рынка впервые;

– любой продукт, самостоятельно разработанный банком для удовлетворения потребностей клиентов и не имевший аналогов на рынке;

– любой продукт, внедряемый банком на основе анализа рынка и оценки коммерческой реализуемости создания копии уже имеющегося на рынке продукта;

– продукт, ранее присутствовавший на рынке, если хотя бы один из его параметров претерпел кардинальные изменения в результате впервые применяемых способов (технологий);

– сконструированный пакетный продукт, в котором впервые на данном рынке применено сочетание существовавших ранее банковских продуктов.

Развитие технологий дистанционного банковского обслуживания объективно требует решения ряда специфичных задач.

1. Скорость изменений, связанная с технологическими новшествами в обслуживании клиентов, в системах дистанционного банковского обслуживания беспрецедентна. Сегодня в связи с тем, что банки испытывают жесткую конкуренцию (как со стороны других банков, так и со стороны небанковских структур), им приходится внедрять новые технологии в очень сжатые временные промежутки - часто за несколько месяцев.

Конкуренция усиливает требования к управлению инновациями: необходимы адекватная стратегическая оценка, анализ риска и безопасности, причем проводиться они должны до внедрения новых технологий дистанционного банковского обслуживания.

2. Транзакционные сайты дистанционного банкинга и связанная с ними розничная и оптовая электронная торговля обычно объединяются в максимально возможной степени с внутренними компьютерными системами компаний и банков, чтобы обеспечить сквозную обработку электронных транзакций. Такая сквозная автоматизированная обработка транзакций уменьшает риск человеческой ошибки и мошенничества, связанного с ручной обработкой, но в то же время увеличивает зависимость от надежности проектирования систем и их архитектуры, а также от взаимодействия систем и их масштабируемости.

3. Дистанционный банкинг увеличивает зависимость банков от информационных технологий, возрастает техническая сложность многих эксплуатационных вопросов и проблем безопасности. Дистанционное обслуживание приводит к более тесному взаимодействию банков с нефинансовыми организациями, многие из которых не попадают под действие законодательства, регулирующего банковскую деятельность. Это требует создания бизнес-моделей, в которые включаются как банки, так и небанковские организации: Интернет-провайдеры, операторы связи и т.д.

4. Открытые глобальные системы телекоммуникаций доступны всем желающим, в том числе и криминальным структурам, ведь Интернет создавался не для работы финансовых организаций. Это открытая сеть, доступная любым лицам практически в любой точке мира. Все это значительно увеличивает необходимость контроля необходимого уровня безопасности, применения методов аутентификации клиента, защиты данных, процедур аудита.

Группа по электронным банковским операциям (ЕВв) Базельского комитета по банковскому надзору отмечает, что дистанционный банкинг (и более широко - электронная коммерция) требуют изменения политики по управлению рисками, что связано с причинами, перечисленными выше. Группа по электронным банковским операциям разработала два документа, связанных с дистанционным банковским обслуживанием. Первый — «Управление и надзор над международными электронными банковскими операциями (публикация Базельского комитета, июль 2003)»[1]. Второй — «Принципы управления риском при совершении электронных банковских операций (публикация Базельского комитета, июль 2003)»[2]. Согласно методикам Базельского комитета, банковские риски подразделяются на четыре типа: финансовые, правовые, операционные и риски, связанные с репутацией (рис. 1).

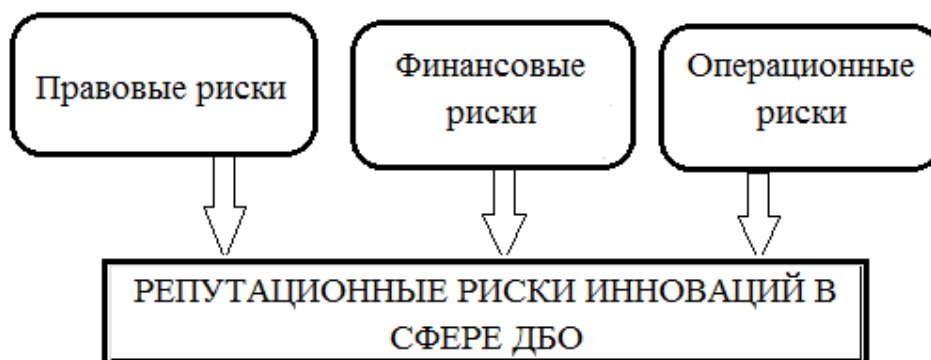

Рисунок 1. Риски инноваций в сфере дистанционного обслуживания

Последние взаимосвязаны со всеми другими типами рисков и являются важнейшими, так как сводят воедино действия всех рисков.

Финансовые риски современных банков зависят от используемых ими компьютерных систем. Информационные компьютерные системы также усиливают риск, связанный с репутацией банка. Любой сбой проведения операции немедленно обнаруживается клиентом, любая ошибка отражается на большом числе клиентов.

Правовые риски в компьютерных системах возникают главным образом из-за неполной юридической регламентации дистанционных банковских операций. Банковские услуги предоставляются по Интернет- и телекоммуникационным сетям дистанционно, возможно без физического пребывания клиента в стране, где зарегистрирован банк, поэтому необходимо определять место осуществления услуги; место жительства клиента; место предоставления услуги; место нахождения финансового учреждения.

Операционные риски. Главное нововведение указанных выше документов Базельского комитета - учет операционных рисков. Органам надзора Базельским комитетом рекомендовано:

- углубить и развить количественные оценки компьютерных рисков;
- применять аналитические методы оценки операционных рисков;
- не снижать осторожность при оценке риска в случае использования проверяемой организацией сертифицированных средств и систем.

Новейшая проблема Европейского банковского сообщества связана с появлением фирм-посредников, называемых агрегаторами. Подобные организации занимаются обслуживанием клиентов, проводя от их имени финансовые операции со множеством банков и других финансовых организаций. Как правило, им делегируются полномочия по ведению дел с различными финансовыми организациями. Это вызывает большое число вопросов юридического характера, связанных с увеличением риска репутации.

Литература

1. «Management and supervision of cross-border electronic banking activities - final document» (публикация Базельского комитета, июль 2003). Режим доступа: URL <http://www.bis.org/publ/bcbs98.htm> (дата обращения 13.10.2014).

2. «Risk management principles for electronic banking - final document» (публикация Базельского комитета, июль 2003). Режим доступа: URL <http://www.bis.org/publ/bcbs98.htm> (дата обращения 13.10.2014).

Черкасова М.С.

аспирантка,

Российский Государственный Гуманитарный университет

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Сфера занятости населения является одним из важнейших сегментов социально-экономического состояния общества, индикатором успешности его функционирования как системы. Безработица в условиях рыночной экономики – явление естественное. Функцией государства здесь является обеспечение сбалансированности рынка труда в стране. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, не менее половины семей в России обсуждают тему безработицы, 29 % респондентов сообщают, что среди их близких есть безработные, а 64 % опрошенных считают возможной ситуацию собственного увольнения с работы. Тем не менее, стоит отметить, что с каждым годом острота вопроса снижается, все больше россиян высоко оценивают свои шансы трудоустройства на новое место работы в случае потери нынешнего [2].

Тема занятости актуальна для каждого в отдельности и для страны в целом. Основным посредником между работодателями и населением в обеспечении государственных услуг в данной сфере является Центр занятости населения. Уровень безработицы рассчитывается как отношение численности безработных к численности экономически активного населения страны. Численность безработных в свою очередь демонстрирует количество граждан, официально признанных безработными. Статистика – инструмент ограниченных возможностей, невозможно узнать точную численность безработных. Но основные тенденции выявить не сложно. В Центрах занятости

люди регистрируются в последнюю очередь, в том случае, если все попытки поиска работы самостоятельно оказались неудачными. Служба занятости, как и любая социальная служба, не вызывает у людей положительных ассоциаций. Во-первых, размер предоставляемого пособия по безработице не совместим с реальной стоимостью жизни (от 850 до 4 900 рублей в месяц). Чтобы встать на учет в качестве безработного необходимо представить справку о среднем заработке за последние три месяца с последнего места работы, что также может стать проблемным вопросом для части потенциальных посетителей. Встав на учет, безработный должен регулярно появляться в Центре занятости, рассматривая предлагающиеся вакансии. Наконец, сами вакансии, по убеждению большинства, представляют собой печальный список самых непопулярных рабочих профессий, на которые годами не могут найти работников. База вакансий в Центре занятости, в свою очередь, зависит от того, насколько налажена связь с предприятиями, а главное, какие именно компании расположены на территории деятельности данной службы занятости. Этот факт актуализирует региональный ракурс социологического анализа проблемы занятости.

В качестве примера была выбрана Калужская область, ставшая за последние пять лет одним из самых активно развивающимся регионом. На территории области реализуется около семидесяти инвестиционных проектов на территории девяти индустриальных парков, руководству удается привлекать крупных иностранных инвесторов, создавая необходимые инфраструктурные условия для развития новых промышленных кластеров.

Уровень занятости в Калужской составляет 67,5 %, что несколько выше общероссийского [5]. Среднегодовая численность занятых в экономике за последние несколько лет увеличилась в среднем на 10 %. Здесь можно отметить исключительно положительное влияние инвестиционной политики властей, строительства новых предприятий. В связи с этим значительно возросла численность калужан, занятых в иностранных или совместных российских и иностранных компаниях. Уровень регистрируемой безработицы в Калужской области составляет 4,8 % (в среднем за июнь - август 2014 г.) [3], являясь средним показателем на фоне регионов Центрального Федерального округа.

Потребность в кадрах, заявляемая работодателями области, с каждым годом растет, что теоретически должно положительно влиять на эффективность работы двадцати пяти Центров занятости.

По данным министерства труда, занятости и кадровой политики Калужской области в государственных службах занятости зарегистрировано лишь 15 % граждан от числа безработных (на конец марта 2014 г. это 3,4 тыс. человек). В современном российском обществе основными способами трудоустройства для безработных становятся в первую очередь связи, помощь друзей и знакомых, поиск вакансий в интернете. В августе 2014 г. 71 % безработных россиян предпочли не обращаться в службу занятости [3]. Для Калужской области данная тенденция также актуальна.

Анализ данных министерства труда, занятости и кадровой политики Калужской области показал, что с 2006 г. число обращений в службы занятости

снизилось, эффективность работы за данный период (отношение числа трудоустроенных к числу обратившихся) упала на 17 % [1]. Рост количества обращений наблюдался лишь в 2009 г., что связано с финансово-экономическим кризисом.

В службу занятости населения Калужской области в январе - июне 2014 г. обратилось около 15 тыс. человек, только четверть из них были зарегистрированы в качестве безработных. Самой популярной услугой является профконсультирование, - то есть, сама функция трудоустройства отходит на второй план [4]. Если в 2006 г. на работу устраивались 90 % обратившихся, теперь показатель снизился на 13 %. Это объясняется, на наш взгляд, разбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, то есть, вакансии, предлагаемые службой занятости, далеко не отвечают интересам граждан.

Проведенный социологический анализ опроверг гипотезу о том, что высокая динамика инвестиционного потенциала региона является гарантом сбалансированности сферы занятости населения, в частности повышения эффективности работы службы занятости. Стоит отметить, что не смотря на появление новых предприятий в Калужской области, а, следовательно, новых вакансий в базе Центров занятости, показатели количества обращений граждан и эффективности трудоустройства существенно не повысились. То есть динамики развития экономической сферы не достаточно для обеспечения столь же успешной работы в данном сегменте социальной сферы, что ставит исследовательский вопрос эффективности самой модели современной российской биржи труда и механизма ее функционирования.

Литература:

1. Аналитическая и статистическая информация/ Министерство труда, занятости и кадровой политики Калужской области [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Калужской области. URL: <http://www.admoblkaluga.ru/sub/trud/analitika/> (дата обращения: 27.08.20014).
2. Без работы не останемся? / Пресс-выпуск № 2697 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115026> (дата обращения: 20.10.2014).
3. Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2014 г. (по итогам обследований населения по проблемам занятости) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/196.htm (дата обращения: 27.08.20014).
4. Основные показатели рынка труда Калужской области в январе - июне 2014г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Калужской области. URL: http://kalugastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kalugastat/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 22.08.20014).
5. Уровень занятости населения по полу и виду поселения. Таб.6.6 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm (дата обращения: 25.08.20014).

Лифанова Т.Е.,
к.п.н, доцент
РГСУ, филиал в г. Брянске,
заведующая кафедрой социальной работы и социального права
Голекнова О.В.
РГСУ, филиал в г. Брянске, старший преподаватель

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Менеджмент качества оказания государственных и муниципальных услуг в последнее время приобретает всё большую актуальность. В условиях инновационной деятельности мониторинг качества может стать тем внутренним механизмом для организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания, обеспечивающим развитие сервисной деятельности и повышение качества предоставляемых услуг гражданам Российской Федерации. Более того, мониторинг обеспечивает сотрудников и руководство социальной сферы региона обратной связью с потребителями социальных услуг.

Одним из способов осуществления контроля качества предоставляемых услуг является изучение общественного мнения граждан-получателей социальных услуг, что включает в себя оценку следующих показателей: а) общий уровень удовлетворенности населения качеством предоставляемых услуг; б) качество полученной гражданами услуги; в) деятельность учреждения, предоставляющего данную услугу.

В соответствии с порядком, утвержденным Постановлением администрации Брянской области от 27.04.2011 № 385 «Об утверждении порядка независимой оценки соответствия качества фактически предоставляемых государственных услуг утвержденным требованиям к качеству» [1], филиалом ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Брянске в марте-апреле 2014 года был проведён социологический опрос, направленный на изучение соответствия качества фактически предоставляемых государственных услуг утвержденным требованиям к качеству. Анкеты содержали вопросы, учитывающие специфику организации (учреждения) и позволяющие оценить а) состояние инфраструктуры, связанной с предоставлением услуги, б) удовлетворенность личным взаимодействием респондента с работниками организации (учреждения), в) удовлетворенность условиями ожидания приема; г) удовлетворенность графиком работы с посетителями; д) удовлетворенность компетентностью сотрудников; е) время ожидания получения услуги; ж) удовлетворенность результатом получения услуги.

В исследовании приняли участие 335 респондентов. Обследовались учреждения стационарного (55 чел.) и нестационарного типов (280 чел.), по которым существуют утвержденные стандарты качества, устанавливающие требования к качеству оказания услуг.

В анкетном опросе приняли участие 335 респондентов, из них 71% (238 чел.) женщин и 29 % (97 чел.) мужчин (диаграмма 1).

Возрастные категории респондентов распределены следующим образом: до 16 лет – 5 человек (1,5 %), от 16 до 20 лет – 7 человек (2,1%), от 21 до 30 лет – 63 человека (18,8%), от 31 до 40 лет – 76 человек (22,7%), от 41 до 50 лет – 44 человека (13,1%), от 51 до 60 лет – 42 человека (12,5%), от 61 до 70 лет – 36 человек (10,8%), старше 70 лет – 62 человека (18,5%).

По уровню образования участников анкетного опроса были получены следующие данные (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Распределение респондентов по уровню образования

Распределение респондентов по роду деятельности выглядит следующим образом (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Распределение респондентов по социальному статусу

Из диаграммы видно, что активными потребителями социальных услуг являются пенсионеры (21,80 %), работники непромышленной сферы (19,40%) и рабочие (18,80%).

Также клиентам учреждений социальной защиты населения предлагалось оценить состояние здания (помещения), в котором оказывается услуга, его структурных подразделений, интерьера, при этом 43,3% респондентов посчитали состояние отличным, 46,3% - хорошим, 6,3% - скорее хорошим, 4,1% - удовлетворительным (диаграмма 4).

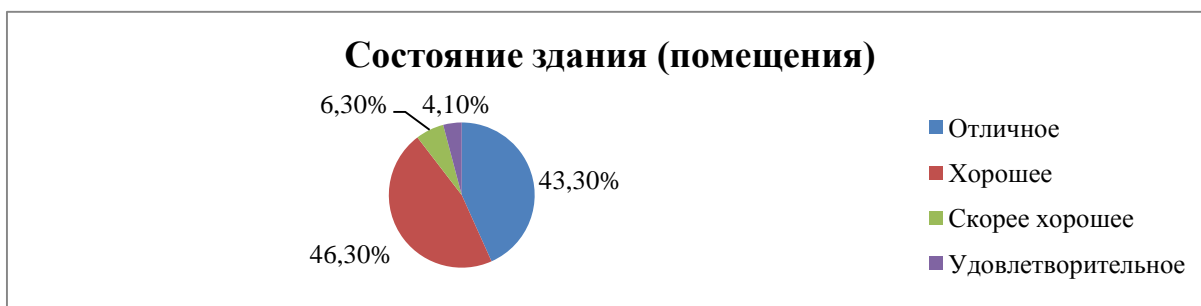

Диаграмма 4. Удовлетворенность качеством помещения, интерьера

Удовлетворенными личным взаимодействием с работниками учреждений социальной защиты населения считают себя 79,6%, удовлетворены частично 9,4%, не удовлетворены – 8,4 % опрошенных (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Удовлетворенность личным взаимодействием со специалистами

Оценивая свою удовлетворенность компетентностью сотрудников учреждений, 78,1% респондентов указали на полное удовлетворение, 18,6% удовлетворены частично, не удовлетворены 3,3% получателей бюджетных услуг (диаграмма 6).

Диаграмма 6. Удовлетворенность компетентностью сотрудников

В анкетах респондентов просили отметить факторы, оказывающие наибольшее негативное влияние на качество предоставляемых услуг (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Факторы, оказывающие наибольшее негативное влияние на качество предоставляемых услуг

Показатель	Кол-во человек	%
Интерьер помещений	60	17,9
Качество мебели для посетителей	61	18,2
Состояние мест общего пользования	56	16,7
Отсутствие информации об услугах в сети Интернет	37	11,0
Отсутствие личной заинтересованности персонала в качественном выполнении услуги	29	8,7
Отсутствие возможности влиять на качество предоставляемых услуг	19	5,7
Отсутствие нужной информации в учреждении	16	4,8
Очереди	14	4,2
Плохо оборудованные места ожидания услуги	14	4,2
Перегруженность работой персонала	9	2,7
Неудобный график работы	5	1,5
Невнимательное отношение персонала	4	1,2
Невозможность высказать мнение по качеству предоставляемых услуг	0	0
Отсутствие мер безопасности для посетителей	0	0

Проведённый анализ позволяет утверждать, что оценка качества предоставляемых учреждениями социальных услуг зависит не только от экономических показателей учреждения, но и от индивидуального подхода к оказанию такого рода услуг.

Результаты анкетирования позволили выявить основные проблемные точки и возможные пути повышения качества оказываемых услуг. Для этого необходимо следующее: развивать материальную базу учреждений социальной сферы и предлагать услуги на более высоком техническом уровне; обеспечивать не только широкий доступ к услугам, но и широкое информирование об услугах; повышать уровень коммуникативной грамотности специалистов; своевременно изучать мнения получателей социальных услуг и опубликовывать полученные результаты.

Также считаем необходимым условием повышения качества предоставляемых социальных услуг проведение обширной разъяснительной работы среди населения по структуре самих социальных услуги и возможностей их предоставления.

По результатам проведенного мониторинга рекомендуем принимать двухуровневые управленческие решения: стратегические (внесение предложений по совершенствованию законодательства, составление прогноза финансового обеспечения целевых территориальных программ, корректировка и актуализация организационной структуры управления); тактические

(составление и корректировка планов, необходимость оказания методической помощи, организация информационно-справочной работы).

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что использование мониторинга для оценки качества социальных услуг значительно улучшает ключевые показатели деятельности системы социального обслуживания.

Литература

1. <http://www.garant.ru/hotlaw/briansk/328964/>. (Дата обращения: 15.10.2014)

Нетусова Т.М.

аспирантка 3 года,

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ФОТОПОРТРЕТОВ В XX-XXI ВВ.

Понятие «коммуникация» в междисциплинарном поле исследования означает и общение, и передачу сообщения. Даже показ фильма в кинотеатре можно разложить на составляющие элементы и получить опосредованную коммуникацию режиссера со зрителем. Получается, что практически любое действие человека так или иначе направлено на коммуникацию. Однако в рамках социологии разумнее придерживаться более ограниченного определения авторитетного немецкого социолога Николаса Лумана [1], который под коммуникацией понимал «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие», специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы, в ходе которой происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации, или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой. Таким образом, ключевым фактором, определяющим наличие или отсутствие коммуникации является приращение некоторого знания или, напротив, устранение незнания в рамках социальной системы.

Рассмотрим далее, как изменилась форма коммуникации посредством любительского фотопортрета. При определении термина «фотопортрет» мы основывались на общепризнанной в искусстве трактовке понятия «портрет», а именно – «(франц. *portraire* – изображать), изображение (образ) какого-либо человека либо группы людей, существующих или существовавших в действительности. Портрет – один из главных жанров живописи, скульптуры, графики. Важнейший критерий портретности – сходство изображения с моделью (оригиналом)» [2]. Таким образом под «любительским фотопортретом» мы понимали фотографию, сделанную фотолюбителем, на которой изображен человек или группа людей.

Было проведено комплексное социологическое исследование, респондентами которого выступили москвичи в возрасте 45-52 года. Выборка – целевая, основным критерием отбора респондентов выступило их увлечение фотографией на любительском уровне, т.е. обязательным условием процесса производства фотографий было отсутствие какой-либо финансовой выгоды.

Основными инструментами получения эмпирической информации стали – глубинное полуструктурированное интервью с предоставлением фотоматериала, а также контент-анализ фотоархивов респондентов (общее количество – 310 фотографий).

В фокусе социологического анализа были именно любительские фотопортреты, поскольку именно фотопортреты, на наш взгляд, наиболее информационно емкий жанр фотографии. В дальнейшем в ходе исследования было подтверждено, что портрет – один из самых популярных жанров фотографии среди респондентов. Фотопортреты как сюжеты фотографий у респондентов стоят на втором месте (на первом – застолья, торжества и праздники). Характерно, что на фотографиях изображены не только друзья, но и дети, семья, гости, родственники, коллеги и т.д. Респонденты в основном фотографируют людей в различной обстановке, то есть на вечеринках, на природе и т.д. Таким образом представители старшего поколения пытаются сохранить в памяти еще и важные события.

Возьмем классическую (линейную) модель коммуникации Г. Лассауэла [4] и рассмотрим трансформацию коммуникации посредством фотографии во время развития фотоиндустрии в XX-XXI вв. Данная модель включает 5 основных элементов коммуникативного процесса:

1. кто? (передает сообщение) — коммуникатор;
2. что? (передается) — сообщение;
3. как? (осуществляется передача) — канал;
4. кому? (направлено сообщение) — аудитории;
5. с каким эффектом? (эффективность сообщения) — результат.

Было выяснено, что в период черно-белой фотографии различаются мотивы показа фотографий: мотив рассказать о своей жизни и интересах через фотографии; мотив общения в гостях, основным предметом которого являются любительские фотографии; мотив похвастаться – показать фотографии из путешествий; мотив показать фотографии родителям – критикам, чтобы оценили творческие способности, и, наконец, мотив показать фотографии, потому что они интересны тем, кто на них изображен. Нередко фотографии раздавались знакомым, поскольку практика фотографирования была еще не так широко распространена, и любительские фотографии были не в каждой семье. Таким образом, в данном процессе есть фотолюбитель (коммуникатор), который с помощью физического визуального носителя информации (фотокарточки) передает информацию о своих ценностях своим родителям или друзьям (аудитории). Результатом данного процесса является совместное времяпровождение, поддержание дружественных отношений и просвещение.

С развитием фотографии до цветной пленочной на рынке начали появляться различные аксессуары для фотоаппаратов, в том числе компактные фотоальбомы с кармашками. Благодаря этой новинке, изменяется характер хранения фотоматериала. Домашние фотоархивы становятся более структурированными. Отличительными чертами у данных альбомов является то, что они компактны и стандартны: нет необходимости подрезать или клеивать фотографии, все детали унифицированы. Процесс показа фотографий

несколько изменился, но вместе с этим сильнее укоренился в повседневной практике респондентов старшего поколения. Теперь ни один семейный праздник или застолье не проходило без демонстрации фотографий: их количество увеличилось, как и удобство показа фотографий. Однако практика раздачи фотографий друзьям начинает уходить в прошлое, т.к. фотоальбом уже становится неким архивом, что не предполагает раздачу его составных частей (фотографий). С точки зрения модели коммуникации Г. Лассауэла процесс показа фотографий не изменился: коммуникатор, канал и аудитория остаются теми же.

С появлением цифровой фотографии меняются практически все практики фотолюбителей: начиная с процесса производства фотографий, и заканчивая процессом их показа. Основным способом хранения цифровых фотографий – жесткий диск компьютера, наиболее простой и надежный. Однако и здесь есть различные варианты. Были отмечены респонденты, которые хранят цифровые фотографии несистематическим образом, как правило, все фотографии в одной папке; были и те, которые распределяют все свои фотографии по тематическим папкам: например, «семья», «дочь» и т.д. И, наконец, была еще одна группа респондентов, которая, несмотря на то, что хранит фотографии на цифровом носителе, дополнительно распечатывает фотографии и формирует альбомы. В целом некий консерватизм в отношении к цифровым технологиям характерен для старшего поколения.

Было отмечено, что печатные фотографии значительно проще показывать знакомым. Возникает парадокс. С одной стороны, благодаря цифровым технологиям процесс показа фотографий упростился: теперь, время между производством фотографии и непосредственно показом занимает считанные секунды (непосредственно после того, как фотография была снята – на дисплее фотоаппарата и спустя несколько секунд, после подключения к компьютеру или экрану – в большом формате). Но как оказалось, респондентам данный способ неудобен: нужно специально организовывать просмотр, собирать людей перед компьютером, что на практике оказывается неэффективно. «ИЗ. Цифра хуже – нужно собирать людей перед компьютером, а это очень сложно. Там еще нужно найти, что показывать, я не могу сказать, что там все очень в порядке хранится. И зачастую, когда нужно найти какую-то фотографию – ну, конечно, не можешь. Надо из громадного количества выкидывать все то, что не надо, оставлять все, что на самом деле ценно – интересно. Это печатать и все-таки в альбом. Потому что не в альбом – никак» [5]. Есть еще опосредованный способ показа цифровых фотографий – посредством электронной почты. Но, тем не менее, практика показа цифровых любительских фотографий у старшего поколения постепенно уходит. Несмотря на это, количество произведенных фотографий не уменьшается.

Раскладывая классическую модель коммуникации для периода цифровой фотографии, мы получим следующее: фотолюбитель (коммуникатор) либо вообще не показывает свои фотографии знакомым и друзьям ввиду технических сложностей или архивного принципа фотографирования, либо, что редко, отправляет фотографии по почте. Таким образом теряется несколько

этапов коммуникации: техническое развитие позволило делать автопортреты («селфи»), процесс показа фотографий перед компьютером носит скорее групповой характер, практика общения во время семейного праздника утратила свой смысл, а результатом данной коммуникации является не передача эмоций, а простое информирование.

Отмеченная тенденция присуща не только старшему поколению респондентов, для младшего (18-25 лет) – коммуникация посредством любительской фотографии будет строиться по несколько иному принципу, в основном с использованием социальных сетей.

Получается, что с появлением цифровых технологий, форма коммуникации посредством любительской фотографии качественно трансформируется. Возможно даже, что со временем данная функция фотографии будет заменена на функцию накопления информации о себе, некую летопись, которая существует опосредованно от зрителя.

Литература

[1] Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — С. 113—114

[2] Горкин А.П. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия [Электронный ресурс]// Информационный сайт «Academia». [М., 2007]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2592/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 15.10.2014).

[3] И10., С. 3 (архив автора).

[4] Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — С. 29-31

[5] ИЗ., С. 27 (архив автора 2012 г.) Александр, 52 года, гуманитарное и техническое образование, предприниматель, категория дохода – 5.

Дворянцева В. В.

кандидат филологических наук

ЧОУ СОШ «Личность», учитель английского языка

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА КАК УСЛОВИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГА

Дискурсивный анализ, будучи относительно спорной дисциплиной, весьма неоднороден, поэтому не существует одного определенного подхода, который разделяют все ведущие специалисты по дискурсу.

В данной статье мы рассматриваем направление, которое называется анализ бытового диалога. Неверно считать, что анализ бытового диалога антагонистичен дискурсивному анализу. Правильнее отнести к нему как к актуальному направлению исследования дискурса.

Одно из важных явлений в разговоре - смежные диалоговые пары реплик с типовой последовательностью реплик - были исследованы с большим вниманием. Примером могут служить вопрос-ответные пары, фразы вежливости благодарности, приветствие и ответ на приветствие и так далее. Можно отметить, что иногда в типовую пару вкладывается кластер из других смежных пар, как в следующем диалоге:

- Почему бы мне не купить для тебя маленький кейс на колесиках? Знаешь, такой, какие бывают у стюардесс.

- У меня уже есть сумка.

- У Джули Эндерби есть такой. Она говорит, что ничем другим она бы пользоваться не стала.

[- Кто такая Джули Эндерби?

- Ну ты знаешь Джули, дорогая! Дочь Мейвис Эндерби. Джули! Та, которая получила эту крутую работу в "Артур Андерсен"...

- Мам...

- Она всегда берет его в поездки...]

- Я не хочу маленький кейс на колесиках.

- Вот что я тебе скажу. Почему бы Джеми, папе и мне не скинуться и не купить тебе приличный новый большой кейс и комплект колесиков? (Х. ФИЛДИНГ Дневник Бриджит Джонс)

В данном примере вложением являются пояснения относительно Джули Эндерби: кто она такая, откуда Бриджит ее может знать, чем она занимается, где и как долго она работает, что такого особенного есть у нее, и что обязательно должна иметь Бриджит.

Такого рода кластеры бывают многогранными и многоярусными. В типовых парах ответы бывают предполагаемыми и неожиданными. Например, предполагаемым ответом на предложение, скорее всего, станет принятие. Непредполагаемые реакции – такие, как отказ от предложенного, – характеризуются тем, что им обычно предшествует пауза-заминка, а сами они более длинные и включают преамбулу и мотивировку.

- *Извини. Я хотела сказать. Мам.... Ох, Вообще...я....О. Боже... - Я не хочу маленький кейс на колесиках. (Х. ФИЛДИНГ Дневник Бриджит Джонс)*

В данном примере *Мам.... –* преамбула; - *Извини. Я хотела сказать. Мам.... Ох, Вообще...я....О. Боже...-* заминка; - *Я не хочу маленький кейс на колесиках* - отказ от предложенного.

Отдельное внимание следует уделить поправкам, или уточнениям, таким реакциям, которые дополняют информацию, произнесенную ранее. Так организация или структура диалога делится на макро и микроуровнях. Невербальные и невокативные действия, такие как смех, жесты, мимика, позы, ритм речи, движение или фиксация взгляда на участнике диалога являются уточняющими маркерами.

- *Ох. На самом деле, я... - Я дико запаниковала. Что бы такое придумать? - Возможно, мне придется работать в Новый год. (Х. ФИЛДИНГ. Дневник Бриджит Джонс)*

В данном примере такими ремаркам, которые уточняют текст, являются: *Я дико запаниковала. Что бы такое придумать?*

Каждый из нас бывал в подобной ситуации или наблюдал подобное поведение у других. Поэтому эти ремарки помогают нам живо представить все, несказанное словами, в том числе домыслить жесты, мимику, мечущийся взгляд.

Методика анализа бытового диалога помогла выявить функциональные отличия трех типов придаточных предложений. Так, зависимые, стоящие перед главным предложением (препозитивные), играют заметную роль в структурировании дискурса, а стоящие после главного (постпозитивные), мало влияют на него. Рассмотрим пример:

Дорогой профессор, определенно, такой здравомыслящий человек, как вы, можете называть его по имени, так? Все это чепуха с «Сам знаете кто» - 11 лет я пытался убедить людей называть его по имени: Вольдеморт. Продолжая называть его «Сам знаете кто», мы только нагнетаем обстановку. (РОУЛИНГ Д. Гарри Поттер и философский камень)

В данном примере представлены различные виды зависимых предложений в препозиции главному предложению - *Продолжая называть его «Сам знаете кто»,* так и в середине - *такой здравомыслящий человек,* или конце - *11 лет я пытался убедить людей называть его по имени: Вольдеморт.*

Такое распределение зависимых предложений с различной смысловой нагрузкой относительно главного определяется структурой дискурса.

Основным механизмом, регулирующим использование языковых и выразительных средств, является наше сознание (англ. consciousness; иногда ученые используют терминологию психологических процессов, они предпочитают называть это оперативной памятью, активной памятью, а некоторые ученые используют техническую терминологию - базовый регулятор, процессор, буфер и т.д.).

Наше сознание, в каждый отдельный момент, анализирует определенный фрагмент мира. И этот фокус сознания постоянно перемещается, причем, при фокусировке сознания на определенной информации, она активизируется.

Выделяют три вида активации: информация активная, полуактивная и неактивная. Информация становится полуактивной, если она уже вышла из состояния активности, но остается связанной по смыслу с информацией, активной на данный момент.

Так в мире лингвистов появилась теория нового и данного, темы и топика, определенного и подлежащего, отдельные аспекты которых связаны с процессами человеческого сознания и памяти.

Базовое эмпирическое наблюдение состоит в том, что дискурс разговорной речи никогда не формируется целиком, а рождается толчками, отрывками, квантами. Эти кванты по размеру обычно не превышают одну предикацию – интонационную единицу (ИЕ). Каждая (ИЕ) демонстрирует текущий фокус сознания.

Одним из самых важных наблюдений можно считать понятие топика. В нашем понимании, топик, (существуют и другие понимания этого термина) – это целый комплекс единиц информации (референтов, событий, состояний), которые находятся в неактивном или полуактивном состоянии ожидания активации. К топикю дискурса относится вся информация, которая содержится в дискурсе. При этом необходимо помнить, что некоторые единицы информации обладают только потенциальной активностью.

Очень важной закономерностью для устной речи является позиционирование рематических компонентов в начало синтагмы.

- *А как ты там одна? Может, тебе что-то нужно?*

- *Ничего мне не нужно,*

- *А врач? Ты вызвала врача?*

- *Зачем? Грипп я и сама вылечу... Больничный мне не нужен...*

(Е. ВИЛЬМОНТ. Полоса везения или все мужики козлы)

В данном примере почти каждое новое предложение начинается с рематического компонента: *ничего; врач; грипп; больничный*. Кроме того, стало понятно, что стандартное понятие предложения неприменимо к разговорной речи.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод о том что, современной лингвопрагматике следует изучать дискурсивные факторы преимущественно в диалогическом взаимодействии. Такой подход позволяет выявить наиболее полный прагматический потенциал языковых средств, формирующих бытовой диалогический дискурс.

Грищенко Е.Н.

Кубанский государственный университет, магистрант

ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С.ДОВЛАТОВА)

Современная отечественная проза богата разнообразными произведениями, отличающимися друг от друга по стилю написания, по заданной автором, тематике. Но в тоже время каждый из авторов современной

литературы стремится показать и раскрыть в своем тексте вопросы, затрагивающие вечные проблемы нравственного характера, проблемы мира и войны, добра и зла, любви и ненависти. Произведения современной литературы словно обнажают актуальные проблемы, раскрывают их суть; отражают те мысли, которые волнуют самих писателей – современников. И, как правило, это находит воплощение в изображении жизни персонажей.

Образ героя того или иного художественного произведения создается путем раскрытия в тексте его характера, описания внешности, рода деятельности, отношения героя к окружающему его обществу и к себе. Одной из важных характеристик персонажа, как правило, является его речь, которая, в свою очередь, помогает читателям раскрыть внутренний мир героя.

В современных исследованиях речевого портрета больше внимания уделяется языковым особенностям. Особенности речевого поведения исследуются не так активно, часто рассматриваются в совокупности с языковыми. Обычно в описании речевого портрета рассмотрению подвергается отдельная сторона, чаще всего это особенности фонетики и словоупотребления. При анализе речевого портрета традиционно фиксируются наиболее яркие элементы, а описание других параметров не проводится. Основопологающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения. На наш взгляд, при описании речевого портрета литературного персонажа также следует обращать внимание на комментирование реплик автором и самими персонажами.

Обращаясь к прозе С. Довлатова, можно отметить, что в повести «Иностранка» он выступает как летописец эмиграции, изображая эмигрантское существование в ироническом ключе. В данной повести показана обычная жизнь русских эмигрантов в Америке. И, можно сказать, что здесь Довлатов размышляет о человеческой природе в целом. Ему удалось создать удивительную галерею образов: все они разные, но самобытные. Каждый образ Довлатов наделил определёнными чертами и качествами, которые, в действительности, являются для него, видимо, наиболее важными. Так, например, в образе Друкера подчёркивается такое качество, как бескорыстие:

«Филологи любили его за эрудицию и бескорыстие» [1].

Одним из важных принципов для передачи особого колорита эмигрантской среды Довлатов насыщает речь героев иностранными словами, что в большинстве случаев служит созданию комического эффекта:

«Лора сказала: - Фимуля, принеси нам кейк из холодильника...»; « - Ты ненормальный, - она старалась говорить погромче, - крейзи!»; «Летим во Флориду, о`кей? Беру на себя дорогу, гостиницу и развлечения, о`кей? Покупаю модельные туфли, о`кей?»; «Он должен Лёвушку забрать из киндергартена»; « - Шит, шит, шит, шит, шит, фак, фак, фак, фак, фак...»; «Хай! Я – Лу Рамирес» [1].

Автор включает в произведение просторечную лексику, иногда грубо-просторечную и ненормативную. Использование подобной лексики придаёт тексту большую выразительность и экспрессивность: *«проститутки», «паршивую» (Африку), «девицей», «жулика», «выпивку»* и др.

В повести «Заповедник» Довлатовым создана удивительная галерея сатирических портретов. Запоминается образ Митрофанова, в котором «блестящая любознательность», «феноменальная память» сочетались с фантастической ленью и атрофией воли. Сатирически изображён и авантюрист Стасик Потоцкий, который "решил стать беллетристом. Прочитал двенадцать современных книг. Убедился, что может писать не хуже. Приобрёл коленкоровую тетрадь, авторучку и запасной стержень" и стал сочинять по рассказу в день — "сочинения его были тривиальны, идейно полноценны, убоги". Повесть «Заповедник» насквозь пронизана размышлениями автора над собственными действиями и побуждениями, а также авторскими эмоциями:

«И вдруг почувствовал такую острую боль, такую невыразимую словами горечь, что даже растерялся... Я обогнал её (жену), ушёл вперёд и заплакал...» [2].

Герои Сергея Довлатова раскрывают себя и свой характер в своей речи. Так, например, Михаил Иванович – персонаж довольно – таки противоречивый: с одной стороны, это широкоплечий, статный человек, напоминающий русского богатыря; с другой стороны, он является лидером среди алкашей – аристократов. Человек безрассудный, но всё же добрый и интеллигентный.

«– Добрый, – соглашался Никитин, – жену чуть не зарезал. Все платья ейные спалил. Ребятишки в кедах бегают зимой... А так он добрый...» [2].

Сергей Довлатов придавал речевой характеристике большое значение. А поэтому особенно примечательна с трудом переводимая речь данного персонажа, которая схожа с классической музыкой, но при этом она не является подражанием. В «матерщине» Михаила Ивановича «звучала философская нота», а своими высказываниями он лишь выплёскивает эмоции, но не вступает в диалог со своим собеседником.

«Мишина речь была организована примечательно. Членораздельно и ответственно Миша выговаривал лишь существительные и глаголы. Главным образом, в непристойных сочетаниях. Второстепенные же члены употреблял Михал Иваныч совершенно произвольно. Какие подвернутся...» [2].

Михаил Иванович по своей беззаботности и беспечности, по манере говорить больше напоминает не человека, а птицу; возможно, отсюда и фамилия героя – Сорокин. Таким же неожиданным и неясным персонажем с потоком бессмысленно-«транспарантных» фраз предстаёт пред нами фотограф Валера Марков – «законченный пропойца».

«Длинноволосый, нелепый и тощий, он производил впечатление шизофреника – симулянта. Причем одержимого одной целью – как можно скорее добиться разоблачения» [2].

Валера Марков напоминает радиоприёмник – он произносит отрывки новостей, газетные заголовки, клише и лозунгов – его «Пионерская зорька» гроыхает в Заповеднике.

Таким образом, язык персонажей является одним из наиболее важных средств создания характеристик и портретов героев Сергея Довлатова, поскольку социо- и психолингвистическая колоритность, стилистические особенности используемых языковых единиц, как маркеров речевого поведения

персонажа, несомненно, доминируют над другими способами формирования исследуемой парадигмы.

Литература

1. Довлатов С.Д. Иностранка. URL: http://modernlib.ru/books/dovlatov_serгей/inostranka/read/ (дата обращения: 20.12.2013).

2. Довлатов С.Д. Заповедник. URL: http://modernlib.ru/books/dovlatov_serгей/zapovednik/read/ (дата обращения: 15.03.2014)

3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 128 с.

Холодняк Г.В.

Кубанский государственный университет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА

Язык политики, или политический дискурс, давно привлекает внимание исследователей, лучше всего он изучен с позиций стилистики [4].

В отечественной лингвистике активно исследуются идиостилевые параметры отдельных политических персон. Идиостиль (от греч. *idios* – свой, своеобразный, особенный) – это совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка, т.е. идиостиль – это индивидуальное варьирование языка, определяемое на структурно-семантической основе и включающее семантические, ассоциативные и лингвокультурные аспекты. Идиостиль также понимается в духе когнитивного подхода как характеристика индивидуального мышления, это «сложное многомерное и многоуровневое проявление личности автора: его лексикона, семантикона, грамматикона, тезауруса, концептосферы, мотивов, определяющих своеобразие структуры, семантики, прагматики текстовой организации» [1, с. 75]. Н.С. Валгина пишет, что стиль есть «свойство плана выражения и одновременно средство реализации конструктивной идеи, т.е. не только мысли, сколько мотива появления мысли»; стиль автора «оформляется через личностное восприятие мира, с главной доминирующей идеей в этом восприятии» [2, с.264].

Поэтому идиостиль является системой, в рамках которой изучаются языковая и концептуальная картины мира личности. Нам представляется интересным рассмотреть пока еще мало изученный прагматический аспект речи современного российского политика как в идиостилевом, так и в обобщенном проявлении. Так, можно выдвинуть предположение, что политики, находящиеся у власти, и политики-оппозиционеры выбирают противоположные речевые тактики. Первые ориентированы больше на защиту своих идейных позиций, вторые – на критику деятельности первых. Но, возможно, общим для тех и других будет апелляция к жизненному опыту аудитории – интеллектуальному и эмоциональному (в большей степени).

Прагматика (от греч. *πράγμα* – дело, действие) – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучаются внеязыковые

(экстралингвистические) условия, определяющие функционирование языковых знаков в речи. Прагматика интердисциплинарна и в части предмета исследования пересекается со стилистикой (выбор языковых средств в зависимости от речевой ситуации и цели общения), теорией речевых актов (наличие у адресата и адресанта фонда общих речевых навыков (компетенцией), общих знаний общих и представлений о мире), социолингвистикой (учет нормативности социоречевого поведения), психолингвистикой (законы лингво-ментального ассоциирования). Общим для перечисленных наук является подход, анализирующий речь в контексте жизни и деятельности человека как личности.

Из всего множества прагматических компонентов речи политика в данной работе мы рассмотрим так называемые прагматические пресуппозиции: оценки говорящим общего фонда знаний, конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата. Принято считать, что высказывание имеет прагматическую пресуппозицию, если при любом нейтральном (т.е. не демагогическом, не ироническом и т.д.) употреблении говорящий считает истинный смысл само собой разумеющимся или просто известным слушателю.

По нашим наблюдениям, российские политики, сформировавшиеся в эпоху СССР, любят использовать в своей речи цитаты из хрестоматийной классической литературы, из общенародно любимых старых кинофильмов и мультфильмов. Этим они продолжают традиции, например, русских философов начала XX века, которые часто строили свои доказательства, обращаясь к примерам из русской литературы, особенно – Пушкина, Толстого и Достоевского. Отмеченная черта подводит к мысли о том, что в российском культурном пространстве, точнее – в менталитете очень сильна стереотипная сторона. Чтобы проверить правильность данного предположения, можно провести сравнительное исследование текстов речей разных политиков в диахронии и синхронии, а также сопоставить их с текстами речей политиков других стран.

Данная работа, на наш взгляд, является перспективной как в изучении языковой личности политика, так и в изучении функционально-дискурсивных особенностей политического языка.

Литература

1. Болотнова Н.С. Анализ текста. Томск, 2001.
2. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М., 2003.
3. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика: Эл. ресурс - <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmc.html>
4. Beard A. The Language of Politics. London, 2000.

Хрусталева М. А.
кандидат филологических наук
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, доцент кафедры романской филологии

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК КОГНИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Устойчивый интерес к исследованию когнитивных механизмов перевода, продолжающий существовать на протяжении последних лет, свидетельствует о необходимости проследить этапы формирования речемыслительной деятельности переводчика в процессе межкультурной коммуникации. По справедливому замечанию Л.М.Алексеевой, «...наука о переводе долгое время внутренне не была готова к рассмотрению понятия рефлексии, поскольку пользовалась более привычными и устойчивыми понятиями, основанными еще в структуралистской парадигме» [1, с. 45]. В этом отношении становится понятно, почему отличительной чертой российских исследований в области когнитивистики «является пристальное внимание к культурной обусловленности когнитивных процессов, что делает эти работы особенно значимыми для теории межкультурной коммуникации и перевода как её разновидности» [7].

Необходимо сказать, что, если основываться на рассмотрении процесса коммуникации в целом как многоуровневого комплекса трансформаций, в результате которых исходящая информация проходит через множественные преломления когнитивного, семантического, прагматического и психологического характера [3], то очевидно, что в ситуации переводной коммуникации преломление по различным векторам окажется еще более сложным процессом. Отталкиваясь от мысли, что в процессе перевода происходит наслоение когнитивных пространств участников межкультурного общения (отправитель сообщения – переводчик – получатель сообщения), можно предположить, что чем более «подкован» с точки зрения переводческих компетенций переводчик, чем богаче его «трансформационная палитра», тем более концентрированной будет достигнутая переводческая когезия, а общение между представителями разных лингвокультур окажется успешным.

Общеизвестно, что при обеспечении межкультурной коммуникации переводчик сталкивается с переводом не лексем, словосочетаний, предложений, текстов, а стоящими за языковыми реализациями смыслами, с трансляцией внутренней формы сообщения, созданного на иностранном языке, на язык родной (русский) через передачу нормативного плана выражения. Как отмечает И.Н.Ремхе, «согласно новым исследованиям в области когнитивной транслатологии, переводческий процесс не является линейной передачей содержания исходного текста посредством механического набора языковых трансформаций» [6, с.149]. В связи с этим крайне важным видится раскрыть глубинные речемыслительные процессы, протекающие в сознании переводчика, исследовать его способность транслировать равные по смысловой значимости сообщения от адресата получателю с сохранением языковой нормы

обоих языков. Несомненно, при таком понимании процесса перевода переводчик должен уметь применять переводческие трансформации, которые призваны уравновесить концептуальное содержание исходного сообщения и его перевода. В этом отношении справедливым видится замечание Л.А. Нефедовой о том, что при осуществлении перевода возникает ситуация некоего перераспределения когнитивной нагрузки, что достигается путем описательных, уточняющих, аргументирующих трансформаций [5, с.51].

Думается, что обращение к таким категориям когнитивной лингвистики как концепт и фрейм, будет способствовать адекватному представлению языкового материала и позволит провести его когнитивно-дискурсивный анализ. При этом подчеркнем, что акцент необходимо делать именно на переводческой стороне, иными словами, определить, каким образом выявленные языковые реализации того или иного концепта могут быть оформлены в общую концептуально-категоризационную «сетку» двух языков: как будут соотносимы между собой «узлы» этой «сетки», и каким образом можно научить студентов правильно определять соответствие «узла» в испанском языке, «узлу» в русском языке (и наоборот), а затем верно транслировать заключенный в каждом таком «узле» смысл. Отметим, что любой процесс перевода предполагает работу с языковым материалом (тексты, устные сообщения, дискуссия, конференция и т.д.), при этом крайне важно научиться за словами видеть смыслы. Так, по замечанию А.Г. Минченкова, для осуществления успешного перевода «важно не столько знание межъязыковых соответствий, сколько способность “видеть за словами мысль”, то есть формировать, отталкиваясь от слов текста, когерентную концептуальную структуру в сознании и затем воплощать ее на другом языке, соотнося концепты со значениями имеющихся в распоряжении этого языка единиц» [4, с. 139-140].

Как мы отмечали ранее, чрезвычайно важным оказывается наличие у переводчика способности к оперированию концептуальными пространствами, к членению этих пространств посредством фреймовых структур знаний, к заполнению фреймов-сценариев соответствующими вербальными репрезентантами, к трансляции фреймовых соответствий на языке [8]. Представляется, что это становится возможным при попытке структурировать концепт, дать его визуальное схематическое представление, иначе говоря, построить его фрейм. Как отмечает Н.К. Гарбовский, фрейм представляет собой «двустороннюю сущность», поскольку он, с одной стороны, являет некую систему знаний о той или иной ситуации реальной действительности, сложившуюся в сознании индивида, а с другой стороны, фрейм представляет собой динамическую когнитивную категорию [2, с.525].

В заключение отметим, что продолжая исследование когнитивных процессов, происходящих в сознании переводчика при осуществлении перевода, первостепенным видится разработать теоретические основания такого мониторинга, определить, что является основой его способности членить общее для участников межкультурной коммуникации когнитивное пространство, транслировать стоящее за языковыми репрезентациями

концептуальное содержание, а затем попытаться найти объективные способы «замера» когнитивного переводческого потенциала индивида через обращение к языковому материалу, репрезентирующему продукты его переводческой деятельности.

Литература

1. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности. Вестник Пермского университета, вып. 1 (7), 2010. С. 45-51.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. 544 с.
3. Гуревич Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагматического изучения: автореф.дис. ...д-ра филол.наук. – М. 2011. 34 с.
4. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. – СПб.: Изд-во «Антология», 2007. 256 с.
5. Нефедова Л.А. Фреймовое представление имплицитности // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI международной научной конференции (23-24 апреля 2012 г.). Челябинск: ЧелГУ, 2012. Т.2. С.50-52.
6. Ремхе И.Н. К вопросу о когнитивной сущности понимания как этапа переводческого процесса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (19). Тамбов: Грамота, 2013. С.148-151.
7. Тарнаева Л.П. Когнитивная парадигма и современное переводоведение. Электронный ресурс: <http://spr.fld.mrsu.ru/2013/12/kognitivnaya-paradigma-i-sovremennoe-perevodovedenie-l-p-tarnaeva/>. Дата обращения: 24.10.2014
8. Хрусталева М.А. Когнитивное моделирование как деятельность переводчика в процессе межкультурной коммуникации / Индустрия перевода: Материалы V Международной научной конференции (Пермь, 3-5 июня 2013 г.). – 476с. – С. 368-371.

Назаршоев Н.М.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ ПАМИРА

Памирские языки - входят в восточно-иранскую группу индоевропейской языковой семьи. К памирским языкам на территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан относятся шугнано-рушанская группа, язгулямский, ишкашимский и ваханский языки. Наиболее крупные из них по числу говорящих - шугнано-рушанская группа (около 100 тыс.).

Все памирские языки бесписьменны. Письменным языком на Памире всегда был таджикский язык.

Шугнано-рушанская языковая группа включает следующие языки и диалекты: шугнанский (с баджувским и шохдаринским диалектами), бартангский, орошорский (рошорвский), рушанский (с хуфским диалектом). Носители этих языков и диалектов проживают в долинах рек Пянджа, Гунта,

Шохдары и Бартанга. Шугнанский и рушанский языки распространены также и в Афганском Бадахшане.

Язгулемский язык распространен в долине реки Язгулем на территории ГБАО.

Носители ваханского языка проживают в долине реки Пянджа, на территории Ишкашимского района ГБАО и в Афганском Бадахшане. Часть ваханцев живет в Синцзяне (КНР).

Ишкашимский язык распространен в кишлаке Рын Ишкашимского района ГБАО и в северной части Афганского Бадахшана. Ишкашимский язык имеет три диалекта: рынский (ГБАО РТ), зебакский и сангличский (в Афганистане).

Памирские языки в прошлом, в силу своей изолированности от внешнего мира, по сравнению с другими языками иранской группы, значительно меньше подвергались влиянию со стороны других языков и сохранили многие черты, характерные для древне- и среднеиранских языков [1].

Процесс научных изысканий памирских языков начался в 70-е гг. XIX в., когда первые научные сведения о шугнанском языке появились в трудах английского ученого-востоковеда Роберта Шоу и немецкого востоковеда В.Гейгера [2].

В 80-х годах XIX в. русский ученый Д.Л. Иванов во время экспедиции на Памир собрал лингвистический материал шугнанского языка, который передал в Российскую Академию наук академику К.Г.Залеману. Известный специалист по иранским языкам, К.Г.Залеман, провел лингвистический анализ этого материала и составил первый русско-шугнанский словарь под названием «Шугнанский словарь Д. Л.Иванова». С этого времени начинается процесс изучения памирских языков русскими учеными. При этом более интенсивно исследовательские изыскания начались в годы советской власти [3].

Начиная с 20-х гг. прошлого столетия профессор И.И.Зарубин внес огромный вклад в изучение малоизученных в то время памирских языков (шугнанскому с его диалектами, язгулемскому, ишкашимскому). Работы И.И. Зарубина явились базой, на которой в дальнейшем сформировалось научное памироведение (фонетика, грамматика, диалектология).

В годы советской власти большой вклад в изучение памирских языков внесла представитель московской школы памироведения Д.И. Эдельман, которая в своих трудах раскрыла проблемы лексической, фонологической и грамматической системы памирских языков.

Лексика памирских языков в контексте этнографического изучения раскрыта в работах И.М.Стеблин-Каменского [4].

Во второй половине XX в. начался интенсивный процесс научных исследований памирских языков, в т.ч. и со стороны носителей этих языков. Это прежде всего Андреев М.С., Бахтибеков Т., Булбулшоев У., Додыхудоев Р.Х., Додыхудоева Л.Р., Мамадасламов М., Мирзоев Ш. , Мирбобоев А., Миршакарова З.М., Рахими И., Юсуфбеков Ш.П., Карамшоева Д. и др.

В начале нынешнего века интерес к изучению памирских языков не угас. Наоборот, ученые приступили к более глубокому изучению этой интересной ветви восточно-иранских языков. Достойный вклад в исследование данной

проблемы внесли Ачамшоев М.М., Зоочшоева Ш., Насраддиншоев А., Некушоева Ш.С., Офаридоев Н., Абдулхамидова П.Ш., Шамбезода Х.Д. и др.

В современную эпоху, когда человечество вступило в процесс глобализации мирового пространства и мощного развития информационных технологий, малые языки многих народов не только стали подавляться более могучими, но и, что самое печальное, они стоят на грани исчезновения. Международной организацией ЮНЕСКО подготовлен Атлас Языков мира находящиеся под угрозой исчезновения (*Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing*). В этом списке есть и малые языки Памира.

Основываясь на актуальности данной проблематики, в 2009 году Институтом исмаилитских исследований (IIS) совместно с Фондом исчезающих языков (FEL) и Академией наук Республики Таджикистан в Хороге была проведена Международная научная конференция. Научный форум собрал более 50 участников из Австралии, Дании, Нидерландов, Пакистана, России, Таджикистана, Великобритании и США.

В своих выступлениях участники конференции рассмотрели процесс комплексного взаимоотношения исчезающих языков и истории, вскрыли вопросы относительно того каким образом исторические исследования могут способствовать сохранению исчезающих языков, и каким образом их научные изыскания помогут ответить на эти важные вопросы [5].

Языки формируют важную часть языкового разнообразия всего мира, и в то же время прибавляют ценность к жизни общества и содействуют формированию чувства идентичности. Если язык находится под угрозой исчезновения, три аспекта социальной жизни также подвергаются угрозе: во-первых, идентичность носителей речи может потерять свое достоинство и даже исчезнуть навсегда; во-вторых, общественная жизнь что происходит исключительно на этом языке, сократится; в-третьих, местные традиции в конечном итоге вымирают. Третий пункт имеет особое значение, поскольку эти традиции будь то устные или письменные составляют «историю» языка и сообщество на котором оно говорит.

Исходя из этого, думается, что усилия ученых будут способствовать сохранению исчезающих языков в Таджикистане и международным усилиям, направленных на защиту исчезающих языков мира, так как они представляют собой ценную часть духовного человеческого наследия.

Литература

1. Назаршоев Н. М. Из истории изучения Памира // Памирский альманах. – 2011. - № 2.
2. Зарубин И.И. Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г. Вып. VI. Л., 1930; его же: Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.-Л., 1937; Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960 и др.
3. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии на материале индоиранских языков. М., 1968; ее же: Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкознания, М., 1987; Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология, Элементы синтаксиса. М., 1990.

4. Стебпин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982; его же: Этимологический словарь ваханского языка. - СПб., 1999.

5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ogmios.org/> (дата обращения 12.07.2014 г.).

Барбашева С.С.,

кандидат педагогических наук

Рожкова Т.В.

кандидат филологических наук

ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет»

Минздрава России кафедра иностранных и латинского языков, доцент

ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет»

Минздрава России кафедра иностранных и латинского языков,

старший преподаватель

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТА В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В гносеологии представление категорий субъекта и объекта как парных категорий, представляющих собой единство противоположностей, претерпело сложную эволюцию, пройдя путь от крайнего противопоставления субъективной достоверности, самосознания субъекта и мира объективной реальности (у Декарта) до выявления сложной диалектической взаимосвязи субъекта и объекта в ходе познавательной деятельности. В современной философии под субъектом познания понимают источник целенаправленной деятельности, познающее сознание, то есть индивида, коллектив или общество в целом. Мыслящему субъекту противостоит объект, то есть то, на что направлена познавательно-предметная и оценочная деятельность. Объектами становятся существующие независимо от человека вещи, явления, процессы, которые осваиваются либо в ходе практической деятельности, либо в ходе познания. Связь субъекта и объекта в гносеологии выражается еще и в том, что объектом является не просто любой фрагмент реальности, а только тот, на который направлено внимание субъекта, который вовлекается в практическую или теоретическую мыслительную деятельность субъекта.

Однако понятия субъект и объект относительны, поскольку то, что в одном случае выступает как объект, в другом случае может быть субъектом. Человек изучает мир, являясь его частью. Один человек, являясь субъектом познания, в то же время может служить объектом познания для другого человека. Каждый человек способен делать объектом познания самого себя: свои ощущения, чувства, мысли, поведение [2, с. 5].

В зависимости от типа связи между субъектом и объектом выделяют объекты физического или ментального действия, свойства, состояния (воздействие субъекта на объект), объект восприятия (направленность субъекта в сторону объекта), объект отношения (координированность субъекта и объекта), объект-бенефактив или экспериенцер (опосредованность связи

субъекта и объекта), объект-орудие или средство, объект-направление или цель движения [1, с. 222].

Взаимозависимые отношения между категориями субъекта и объекта находят своё отражение и в такой науке как медицина. Категория лица включает в себя субкатегорию профессионального деятеля – врача, и субкатегорию профессионального квазидейателя – пациента. Пациент, выступая как деятельный субъект, то есть как субъект, страдающий тем или иным расстройством, в тоже время выступает как объект познания, поскольку в процессе лечения важны не только проявления болезни, но и человек как таковой, его склад характера, условия жизни, привычки и многое другое. В этом смысле пациент выступает как объект познания для врача. В психологии и психиатрии эмоции, ощущение и собственно болезнь выступают объектами исследования.

Мы рассмотрим наиболее представленную категорию в медицинской терминологии: категорию материальных объектов, которую можно подразделить на три подгруппы: 1) части тела и органы; 2) животные/растения и объекты неживой природы взаимодействие с которыми приводит к заболеваниям, а также средства лечения, 4) географические объекты, названия которых входят в структуру термина.

Подгруппа «части тела и органы» представлена наименованиями как наружных, так и внутренних органов (encephalon – головной мозг), а также наименованиями заболеваний, в структуру которых входят названия частей тела или органов. гемикрания (греч. hemi – полу, kranion – череп) – боль, ощущаемая в половине головы), синдром белых пальцев – профессиональная болезнь, вызываемая воздействием вибрации, миоплегия (греч. mys – мышца, plegia – паралич) – резко наступающая мышечная слабость. К указанной подгруппе можно отнести также термины, отражающие патологические и непатологические образования в/на теле человека, например, бляшка атеросклеротическая (лат. plax atherosclerotica) – очаговое утолщение внутренней оболочки артерии, возникающее вследствие разрастания соединительной ткани в зоне отложения липидов, невус – родинка.

Вторая подгруппа материальных объектов представлена наименованиями животных (включая микроорганизмы и птиц) и растений, а также наименованиями неодушевлённых предметов, которые отражают объекты, взаимодействие с которыми, ведет к возникновению расстройства: офидофобия (греч. orhidion - змея, phobos - страх) – боязнь змей, гашишзм – наркомания, пристрастие к гашишу, карфология (греч. karphologia - собирание клочков) – характеризуется автоматизированными движениями рук, как бы хватающих пролетающие снежинки или мелкие предметы (при делирии), безоар (фр. bezoard) – инородное тело в желудке, образовавшееся из неперевавшихся частиц пищи, несъедобных предметов, проглоченных больным.

Третья подгруппа – наименования географических объектов, то есть существующих или существовавших относительно устойчивых, характеризующихся определённым местоположением целостные образования Земли (например, материки, острова, озёра, страны, порты и другие). География

начала развиваться на заре зарождения человечества, когда люди, с ещё неосознанной целью – организовать своё существование – только начали осваивать пространство вокруг себя. Она есть среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми пустота. Именно значимостью географии в освоении окружающей человека действительности объясняется активное использование географических понятий в медицинской терминологии. Понятия географии появляются в языке медицины как окказиональные наименования на первом этапе познания, когда этиологические и патогенетические признаки болезни неизвестны. Зачастую они создаются в текстах средств массовой информации при описании каких-либо событий.

В медицинской терминологии находят своё отражение объекты физической, политической и социально-экономической географии.

Физическая география изучает географическую оболочку Земли и её природные составляющие. Например, физическая география представлена в терминах, содержащих названия полуостровов (энцефалит кольский – мало изученная инфекционная болезнь, которая встречается на Кольском полуострове), островов (алопеция гренландская или алопеция травматическая – развивается в результате постоянного травмирования отдельных участков волосяного покрова, наблюдается у гренландских женщин, носящих национальную причёску типа «лошадиный хвост», а также у женщин других стран, носящих аналогичную причёску, вследствие чего образуется стойкая лысина), водных объектов (энцефалит виллойский – болезнь неясной этиологии, встречается в Якутской АССР по долине р. Виллой), лесных массивов (болезнь кьясанурского леса – острая инфекционная природно-очаговая болезнь, впервые была выявлена в кьясанурском лесу на юго-западе Индии) и др.

Политическая география изучает территориально-политическую организацию общества и представлена в таких терминах, как энцефалит Сент-Луис (название города), энцефалит американский (название континента), бородавка перуанская (название страны).

Объектом исследования социально-экономической географии выступает территориальная организация общества, то есть заселённая, вовлечённая в жизнь общества часть географической оболочки Земли с её пространственными структурами хозяйства и формами организации жизни общества. В медицине социально-экономическая география присутствует в виде наименований учреждений: поликлиника гарнизонная, гипнотарий; санаторий, синдром лагерей уничтожения.

Интересно отметить, что в медицине материальные объекты представляют собой объекты-доноры для образования метафорических терминов, поскольку сравнение с тем или иным предметом, позволяет нагляднее представить наиболее яркие черты обозначаемого явления. Например, походка аиста – походка с избыточным сгибанием бедер и высоким подниманием отвисающих ступней, эгофония (греч. *aix* – коза, *phone* – голос) – голос, по тембру, высоте, модуляциям, интонациям напоминающий бляенье козы, скафоцефолия (греч. *skaphe* – ладья) – ладьевидный череп, *кровяные островки* – скопления клеток

мезенхимы в висцеральном листке мезодермы желточного мешка, представляющие собой зачатки кровеносных сосудов и клеток крови.

Подводя итог можно констатировать, что понятие объекта противопоставляется понятию субъекта как мир, который познается субъектом. В этом смысле объект является универсальным понятием, поскольку включает в себя собственно материальные предметы и нематериальные явления, как объекты исследования. Таким образом, объект – это все, на что может быть направлена мысль, «все, что может быть названо» [3, с. 247]. Категория объекта представляет собой связующее звено между действительностью, мышлением, языком и познающим субъектом, позволяя осуществить антропоцентрический подход как важнейший принцип научных исследований в современном языкознании.

Литература

1. Кочкина Е.Л. Категория объекта: пространственно-временное восприятие и степень прототипичности // Когнитивная семантика: матер. 2-й междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике / под. ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов: Изд-во Тамб. унт-та, 2000. – Ч. 2. – С. 220-222.

2. Кудряшова Т.Б. Лекции. [Электронный ресурс]. URL.: <http://kudr-phil.narod.ru/lecture/5teorpoz.html>

3. Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. – Т.1. – 485 с.

Трубина Е. Н.

*Старший преподаватель
кафедры романской филологии ПГНИУ (Пермь)*

К ВОПРОСУ О РОЛИ АНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Сопряжение понятий античности и постмодернизма – это объективная закономерность, связанная с фундаментальными проблемами постмодернистской культуры. Постмодернизм постулирует стирание идеи целесообразности истории и выход за рамки исторического времени, что существенно изменяет отношение к прошлому. Однако прошлое не забывается: оно служит настоящему, которое «накапливает и сохраняет остатки всех прошлых эпох» [пер. авт. 6, с. 187]. И в этом процессе античность занимает свое законное место, поскольку, будучи «корневой системой» европейской цивилизации, на протяжении нескольких веков она являлась неотъемлемым спутником западной культуры и, претерпев на этом пути определенные метаморфозы, в свою очередь явилась прелюдией постмодернистских установок.

Эволюция в восприятии греко-римского мира европейским сознанием глубоко и всесторонне была рассмотрена в работе выдающегося филолога и культуролога С.С. Аверинцева «Образ античности в западноевропейской культуре XX века», впервые опубликованной в 1979 г. Согласно С.С. Аверинцеву, названный эволюционный процесс проходит несколько этапов от 60-х гг. XVIII в. до «постклассического» периода. Если вначале эллинизм

воспринималось как «закон и норма, как нечто вневременное и вечное», то в XX в. это только «исторический феномен, и значит нечто преходящее» [5, с. 441]. Позднебуржуазное сознание усваивает следующий постулат: «"действительность" должна отменить "истину"» [1, с. 15], но не ради самоутверждения, а чтобы затем, утратив свое свойство действительности, преобразоваться в миф. Ф. Ницше в своей книге «Рождение трагедии из духа музыки», по сути, и запустил механизм бесконечного отступления в прошлое, сформировав умонастроение, которое, как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, «обречено существовать не иначе, как в форме гиперболы себя самого, и реализует ее лишь в акте непрерывной эскалации» [1, с. 23]. Этот процесс приобрел универсальный характер и в дальнейшем определил развитие западной мысли в первой половине XX в., обозначив «путь к великому опустошению».

Такой предстает эволюция восприятия классической древности с XVIII в. по XX в. в исследовании С.С. Аверинцева. Ни разу не употребив термин «постмодернизм», автор глубоко и подробно проанализировал одну из главных постмодернистских проблем – отношение ко времени и истории и выявил тот самый механизм бесконечного отступления в прошлое, который вошел в обиход постмодернистских приемов.

Гипертрофированность настоящего, неизбежно приводящая к погружению в хтонические низы, является постоянным лейтмотивом постмодернистской «игры», о чем свидетельствуют и аналитики постмодернистского творчества, и его авторы. Сравним, например, высказывание французского литературоведа Ш. Лапейр-Демезон по поводу творчества одного из авторов, тяготеющих к постмодернизму, П. Киньяра: «... прошлое не может стать объектом познания, которое отошьет его в четкий образ и в точный свод правил. Оно неожиданно возникает из внутриутробной зоны, из досознательного доязыкового периода» [4, с. 318]. Об этом же, по мнению критика, рассуждает и сам П. Киньяр: «Отдаленные эпохи и цивилизации сближаются и воспринимаются в одной бездонной временной плоскости, которая направляет мысль к наиболее отдаленному прошлому как первоисточнику цивилизации» [там же]. Причем в данном контексте «бездонная временная плоскость» может пониматься не только, как созданная писателем *jadis*, т.е. некая утопия «былых времен», где сближается отдаленное и современное, но и как настоящее время, в котором автор творит и одновременно комментирует свой текст. Приведенное сопоставление позволяет предположить, что названные идеи вырабатывались западноевропейским сознанием в процессе изменения восприятия именно античности, что в свою очередь и определяет ее особое место в диалоге культур.

Заключительные слова исследования С.С. Аверинцева, собственно, и подводят нас к вопросу о том, каковы же конкретные особенности существования античности в рамках постмодернистской парадигмы. Характеризуя переходное состояние XX в., он видит его «реальную угрозу» в том, что на смену «существенному времени истории» приходит «безразличное

пространство культурной отвлеченности», в котором «невозможно внутреннее отношение к идеалу античной классики» [1, с. 34].

Вместе с тем С.С. Аверинцев констатирует «немало попыток в истории XX в. наполнить классический идеал новой жизнью, заново осмыслить и обосновать его, дать ему новое место в рамках новой системы» [там же]. В связи с чем, говоря о восприятии античности, неизбежно появляется необходимость в использовании понятия «рецепция». В ходе освоения этого понятия возникло разграничение пассивной и активной рецепции античности. Активная рецепция, которая и берется на вооружение постмодернизмом, может происходить через подражание, переделку или создание нового произведения на античную тему. Согласно утверждению современных исследователей, в процессе рецепции классики необходимо учитывать идею Ханса-Роберта Яусса о рассмотрении рецепции, исходя из исторических условий реципиента, а также его идею о рецепции как культурном диалоге прошлого и настоящего. Однако из текста следует, что заявленный диалог культур учитывает «право голоса» лишь одной стороны: «настоящему» здесь уделяется особое, пристальное внимание, а «прошлое» же оказывается в неравном положении.

Однако этому есть вполне внятное объяснение. Постмодернизм принимает как данность идею о том, что «историческая картина прошлого субъективна, частична по своей полноте и относительна в своей истинности», поэтому она может быть не столько «воссоздана», сколько «создана заново». И в таком случае историческая картина «является результатом не только рационального осмысления, но и интуитивного и эмоционального восприятия сведений о прошлом» [2, с. 4].

Подобного рода познавательный релятивизм, усвоенный постмодернизмом, побуждает его теоретиков выдвинуть на первый план проблему «авторитета письма», «поскольку в виде текстов любой исторической эпохи он (авторитет) является для них единственной конкретной данностью, с которой они готовы иметь дело» [3, с. 252]. Следует подчеркнуть, что этот «авторитет текста», которому отказано в соотношении с действительностью, «обосновывается исключительно “интертекстуально” («авторитетом» других текстов)» [3, с. 253]. В свою очередь «авторитет других текстов» есть не что иное, как ссылки и аллюзии на те тексты, которые уже приобрели «свой авторитет в результате закрепившейся [...] традиции воспринимать их как источник безусловных и неоспоримых аксиом» [там же].

В такой постмодернистской позиции кроется явное противоречие. С одной стороны, текст не может быть соотнесен с какой-либо действительностью, т.к. она недостоверна, а с другой стороны, текст способен содержать в себе неоспоримые истины (аксиомы), которые не могут не быть достоверными. Возможно, именно таким способом прошлое и восстанавливает свое утраченное «право голоса» в «диалоге культур». Иными словами, если автор постмодернистского толка создает некий иллюзорный образ античного мира, при этом обыгрывая цитаты из известных (авторитетных) античных авторов (Сенеки, Лукреция, Тацита и др.), то тем самым он вольно и невольно признает реальность их содержания и стиля и стало быть стоящую за этим

действительность прошлого, которая имеет свой «четкий образ» и «точный свод правил».

Итак, подводя итог всему сказанному, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что в XX в. произошло, по определению С.С. Аверинцева, «разрушение той позиции перед лицом античности, стоя на которой только и позволительно называть классику “классикой”», античность, тем не менее, пусть опосредованно, но сохраняет свою самодостаточность, став своеобразным «местом памяти» (Пьер Нора). Признание жизнеспособности античной парадигмы позволяет по-иному подойти к тому «диалогу эпох», который культивируется постмодернизмом. Теперь в поле зрения исследователя попадает не только реципиент, т.е. автор, тяготеющий к античной тематике, но и вдохновляющая его энергия прошлого, иными словами, то подспудное влияние, которое оказывает на него античность, как на «невольного пленника» этой европейской традиции.

Литература:

1. *Аверинцев С. С. Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии* (ред. С. С. Аверинцев), Москва.: Наука, 1979. С. 5 – 40.
2. *Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / А. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2006. С. 4 – 6.*
3. *Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США). Концепции, школы, термины. Энцикл. справочник. М., 1999. С. 245 – 254.*
4. *Шервашидзе В. В. Феномен Паскаля Киньяра / В. Шервашидзе, Ж. Сиари // Вопр. лит. – 07/2011. - № 4. – С. 314 – 340.*
5. *Mann Th. Humaniora und Humanismus. – In: Gesammelte Werke. Berlin, 1955, Bd. XI. S. 441.*
6. *Pautrot Jean-Louis. Pascal Quignard ou le fonds du monde. – Editions Rodopi B.V., Amsterdam – New York, 2007.*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Крыжановская А.В.

канд. филос. наук, доцент ТюмГАСУ, г. Тюмень, Россия

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Kryzhanovskaya Anna

Candidate of philosophical sciences, associate professor of Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering, Tyumen, Russia

PARTICULAR QUALITIES OF RUSSIAN PHILOSOPHY AS AN EXPLICABLE OUTCOME OF THE EVOLUTION OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены отдельные характерные особенности русской философии, обусловленные конкретными чертами русского менталитета, самосознания, национального характера, духовной культуры. Подчеркивается, что основные проблемы русской философии являются проблемами мировой философии, однако способ решения этих проблем глубоко своеобразен.

ABSTRACT

The article describes some characteristics of Russian philosophy, determined by specific features of Russian mentality, identity, national character and spiritual culture. It is emphasized that the main problems of Russian philosophy are the problems of world philosophy, but the way to solve them is deeply peculiar.

Ключевые слова: особенности русской философии; русский менталитет; духовная культура

Keywords: *characteristics of Russian philosophy; Russian mentality; spiritual culture*

Анализ особенностей национальной философии в контексте их этнопсихологической детерминации - влияния конкретных черт национального самосознания, менталитета и духовной культуры, сформировавшихся в специфических историко-социокультурных условиях, - способствует более объективной характеристике национальной философии в целом, а также учений ее отдельных представителей. Философия есть не только размышления о всеобщем и вечном, но и воплощение структуры сознания и самосознания конкретной нации и исторической эпохи. Г. Флоровский в работе "Вселенское Предание и славянская идея" приводит утверждение Гегеля о народном характере философии: " "Философия вообще" есть призрачное *ens Imaginationis*. ... у определенного народа возникает определенная философия. В

ней раскрывается его дух, его жизнь, его идея. ... " [5]. Философские идеи и интенции могут излагаться не только в научно-теоретической форме, в виде систематизированного знания, но и в художественно-поэтическом изложении, что особенно характерно именно для русской философии.

Одной из основных особенностей русской философии является отсутствие стремления к созданию теоретических систем, к разработке строгого категориального аппарата, в ней доминирует интуитивно-образное восприятие мира, обусловленное присущим русскому сознанию холистическим и метафорическим типом мышления. Показательным является высказывание Н. Бердяева: "Цель философии - не создание системы, а творческий познавательный акт в мире.... не может быть философия оторвана и отвлечена от глубочайших источников бытия, от жизненно-религиозных соков, которые находит философствующий человек в своем микрокосме" [1].

Проблемы, решаемые русской философией в течение всего периода ее развития, имели как общемировое значение, так и специфически национальное - роль России во всемирной истории, ее историческая миссия, поиск национальной идентичности и т.п. Такая характерная черта русского менталитета, как осознание себя всей Россией, закономерно породила тему метафизического познания России, русской культуры и исторической судьбы. Русская философия стремится к осмыслению качеств русской души, в которой, например, для Н.А. Бердяева отражается безграничность и неистощимость российских просторов, для Н.Ф. Фёдорова и К.Э. Циолковского - беспредельность русского философского миропонимания с космизацией и нравственной ориентацией проблем и т.п.

И общемировые, и национальные проблемы решаются русской философией особым, присущим только ей образом, - русскую философию часто характеризуют как "сверхнаучное интуитивное учение о мировоззрении". По сравнению с западноевропейской, русская философия всегда отстаивала иные ценности и идеалы, к примеру, рациональному знанию и иррациональной воле в ней противопоставлены "архаичные понятия" любви, стыда, совести. В русской философии социально-философская и философско-историческая проблематика тесно связана с онтологическими, гносеологическими, антропологическими, этическими проблемами, часто проникнутыми религиозным содержанием. Такая многоплановость категориальных структур затрудняет осмысление русской философии, направленной на синтез науки, искусства, религии, разума, чувства, воли, но, с другой стороны, определяет своеобразие ее стиля в форме публицистики или художественной литературы, не ограничивающих мыслителя жесткими логическими и категориальными рамками. Необходимо учитывать также синкретизм русского сознания, его стремление к всеохватности и целостности, образный, холистический стиль мышления.

Универсализм, устремленность русской философии к решению всемирных проблем, таких как универсальный гуманизм, кризис культуры, преодоление смерти, космическое существование человечества и многих других, есть следствие многосторонности, "всечеловечности" русского сознания, которая

ведет к осмыслению универсального как высшего смысла национального бытия. Панэтизм русской философии проявился даже в отношении к природе с "позиции должного", к примеру, Н.Ф. Федоров считал, что смерти быть не должно. Уникальность первой за историю этики обобщающей теоретической работы о добре "Оправдание добра" Вл. Соловьева [3] состоит в ее глубоком оптимизме, противостоянии негативистским и пессимистическим концепциям морали, оправдании замысла Божия о мире.

Первостепенное значение для русской философии всегда имел "самый существенный из наших вопросов - вопрос о нашей духовной самобытности" (Н.Н. Страхов) [4, с.1], о степени самостоятельности и аутентичности русского творчества и философского сознания. Историсофемы "русский путь", "Восток и Запад", "Россия и Европа" служили основанием для философских построений русских мыслителей. По мнению русских философов, специфическое призвание России вообще и русской философии, в частности, состоит в том, чтобы самим своим существованием ограничивать западную претензию на всеобщность мышления.

По утверждению С. Перевезенцева, русская философия духовна по своей сути, она "мучительно размышляла" о судьбах России и мира; духовность предполагает неутилитарность, антипрагматизм, романтизм, устремленность к идеалам, характерные в целом для русского сознания. Коренным отличием русской философской мысли от рационалистической индифферентности западноевропейской мысли многие исследователи считают способность остро осознавать трагизм бытия. Сверх-рационалистический способ и характер русского философствования, как следствие миропонимания русской души, отмечали классики отечественной философии Н.А. Бердяев, Г.Г. Шпет, Н.О. Лосский, А.Ф. Лосев.

Для решения проблемы всеобъемлющего осмысления бытия человека и его внутреннего мира в русской философии разработан новый образ разума и рациональности, подразумевающий не господство иррационализма, а дополнение его другими элементами культуры, при этом субъект познания является целостным, обладающим, помимо разума, верой, интуицией, чувствами. Бердяев утверждал: "...самобытная, творческая философская мысль всегда ставила у нас себе задачу раскрытия не отвлеченной, интеллектуальной истины, а истины как пути и жизни..." [2].

Глубокая разработка философского концепта "всеединство", выражающего стремление к синтезу множества различных начал, - еще одна характерная особенность русской философской мысли, обусловленная целостностью русского сознания и мировосприятия, синкретизмом различных культур. Концепция всеединства ведет к освобождению от шаблонности мышления, вызванного привычкой к бинарному способу мышления и восприятия мира. "Цельность знания" в философии Вл. Соловьева - это не просто синтез отдельных форм духовной деятельности (науки, философии, искусства и т.д.), а еще и присутствие такого особого состояния, как Любовь.

Русская философия являет собой метафизический уровень национального самопознания и отражает уникальность русской духовности. Главная тема

русской философии - постижение абсолютного смысла жизни человека и человечества. Своеобразие русской философии выразилось, прежде всего, в обостренном интересе к проблеме человека, в которой доминируют моральная установка, "искание абсолютного добра". Русская философия - это умение обостренно чувствовать трагизм бытия, правдоискательство, предельное напряжение духовности.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. // [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://orel.rsl.ru/nettext/russian/berdyaev/khomyakov/04.html>
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.vusnet.ru/biblio/archive/berdjaev_smisl
3. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. - М.: Мысль, 1988. - 823 с.
4. Страхов Н. Н. Мир как целое. - М.: Айрис-пресс, 2007. - 576 с.
5. Флоровский Г.В. Вселенское Предание и славянская идея // [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://www.pravbeseda.ru/www/library/index.php?page=book&id=318>

Ревко-Линардато П.С.

*доцент, кандидат философских наук
Южный федеральный университет, доцент*

ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТВОРЧЕСТВО ЛЬВА ФИЛОСОФА (МАТЕМАТИКА)

Увеличение роли философии как отрасли университетского образования в Византии в эпоху Македонского возрождения было связано с деятельностью Льва Философа (Математика) – одного из крупнейших византийских ученых.

Лев получил образование в Константинополе. В 840 году он занял кафедру архиепископа Фессалоник. Через три года в связи восстановлением иконопочитания был смещен за иконоборческую ориентацию. В дальнейшем Лев отказался от иконоборческих взглядов. В Фессалониках он занимался частным преподаванием, возможно, у него учился Константин (после пострижения Кирилл), с именем которого традиционно связывают изобретение славянского письма. Вернувшись в Константинополь, Лев возглавил Магнаврскую школу и преподавал в ней философию и поэтику.

Вокруг Льва сформировался кружок учеников, которые изучали античные произведения, писали эпиграммы на древних авторов. Круг интересов Льва был необычайно широк: он занимался разработкой проблем математики, физики, практической механики, философии. Он первым стал использовать буквы в качестве алгебраических символов. Благодаря его деятельности в Византии вошли в употребление арабские цифры, которые позже заимствовали у них итальянцы. Лев прославился как изобретатель и конструктор. Ему приписывают создание систем сигнальных башен, огнями оповещавших столицу об арабских набегах. Известны установленные им автоматы в

императорском дворце (трон с механическими зверями, дерево с поющими птицами) [2].

П. Лемерль обращает внимание на эпиграмму AP XV 12, для которой рукописи дают надпись: «Лев Философ, называемый Эллином» [2, с. 256]. Действительно, Лев заслужил такое прозвище: он много работал с древними рукописями, им была собрана обширная библиотека, включающая труды Евклида, Архимеда, Платона, Порфирия, Прокла, Феона Александрийского и других античных авторов [4]. Лев был одним из первых, кто начал переписывать античные произведения, содействуя, тем самым, их сохранению: «начиная с VI-го, если не с V-го, до IX века было переписано очень мало греческих рукописей и, быть может, ни одной рукописи литературного характера; всё едва не погибло, а многое действительно погибло; то, чем мы обладаем, было спасено в IX-X веках в Византии и Византией» [2, с. 5].

За увлеченность античной ученостью Лев подвергся нападкам со стороны одного из своих учеников – Константина Сицилийца (Сицилийского) [1]. В небольших стихотворениях Константин обвинил своего бывшего учителя в симпатиях к языческой культуре, за что отсылал его в Аид к древним философам и поэтам – Хрисиппу, Сократу, Проклу, Платону, Аристотелю, Эпикуру, Евклиду, Гесиоду и Гомеру. Е. Э. Липшиц усомнилась, что произведения Константина касаются Льва Философа, предположив, что они направлены, скорее, против Льва Хиросфакта [3, с. 136-137.]. Однако, как показал П. Лемерль, оснований пересматривать общепринятое мнение относительно «адресата» стихотворений Константина не имеется [2, с. 255].

Как бы то ни было, памфлеты Константина ярко свидетельствуют о противоречивом и неоднозначном отношении к античному наследию.

Литература

1. Византийский словарь: в 2 т. / сост. общ. ред. К. А. Филатова. СПб., 2011. Т. 1. С. 511-512.
2. Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб.: «Свое издательство», 2012.
3. Липшиц Е. Э. Византийский ученый Лев Математик (Из истории византийской литературы в IX в.) // Византийский временник. 1949. № 2 (27). С. 106-149.
4. Browning R. Byzantine Scholarship // Past and Present 28. 1964. P. 7–8.